

Сергей Буянов
Это ЦТК!

Сергей Юрьевич Буянов

Это ЦТК!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16899324

ISBN 9785447442026

Аннотация

Главный герой – доцент кафедры биохимии медицинского вуза – синтезирует растворы для органов, предназначенных к трансплантации. Вскоре выясняются необычные свойства новых препаратов. За «живой» и «мёртвой» водой открывается нешуточная охота.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	45
Глава 5	56
Глава 6	88
Глава 7	96
Глава 8	102
Глава 9	108
Глава 10	112
Глава 11	118
Глава 12	124
Глава 13	133
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Это ЦТК!

Сергей Буянов

© Сергей Буянов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Пробирка в руках Колбина с треском лопнула. Колбин отдернул руку. Пробирка упала на предметный столик: содержимое, вязкое и тягучее, пролилось на конспекты лекций.

Звонок наручного будильника оповестил об окончании эксперимента. Экспериментом Колбин считал рабочее время на кафедре. От нечего делать, лаборант смешивал остатки растворов, оставленные студентами после занятия. Что ещё можно успеть, когда нужно бежать на следующую пару? В анатомичку с едким запахом формалина, слезой вышибающим страх перед трупом, или в стационар на практическое занятие по уходу за больными.

Студент Колбин устроился лаборантом на ректорскую кафедру, поэтому пользовался некоторыми привилегиями. Ему, например, не нужно было извиняться за опоздания. «Работал у ректора»! – читалось в честных голубых глазах студента.

Колбин отёр руку о полу застиранного халата, бывшего когда-то белоснежным. Торопясь, студент отёр тетрадь первой попавшейся под руку ветошью. Осколки пробирки он запихал в мусорный бак и захлопнул герметичной крышкой.

– Колбин! Что ты там делаешь? – раздался в тишине голос старшей лаборантки.

Колбин вздрогнул. Обернулся.

Глядя на его хлопающие веки, женщина в белом халате с прожжёнными дырами на подоле, не удержалась, хихикнула.

– Наталья Николаевна! – Колбин развёл руками. – Я тут...та...

– Ты уже тама! – женщина махнула рукой в сторону двери.

– Ага, ага! – Колбин вприпрыжку удалился.

– Видали? – спросила Наталья у пустых колб. – Экий раздолбай!

Продолжая ворчать, старшая лаборантка, собирала пробирки в раковину. Она занималась этой работой много лет, и могла бы считаться большим специалистом. Если бы лаборантам давали категорию – Наталья Семёнова заслужила бы самую высшую.

Наталья была уверена, что карьерный рост остался позади. Впрочем, так и не начавшись. Закончив второй курс университета, она ушла в академический отпуск. Вынудил молодой муж, которому хотелось зарабатывать много и немедленно. Он заливался соловьём, обещая Наташе стремительную карьеру.

– Без высшего образования люди имеют широкие возможности! —поучал он молодую жену.

Широкие возможности разом сузились, как только Наташа забеременела. «Академ» пришлось продлить, а ребёнок родился мёртвым. Патанатом сказал, что уродства плода несовместимы с жизнью.

– Это характерные дефекты для героиновых наркоманов! – сказал врач.

Его тихий голос шарахнул по барабанным перепонкам Натальи. Она прижала ладони к ушам и выскочила прочь из кабинета.

Разом стало всё понятным. Куда уходят деньги, откладываемые молодой семьёй для эмиграции в США – страну великих возможностей. Отлучки мужа «по делам», которые почему-то были неотложными. Его переменчивое настроение. И самое главное, нарастающее охлаждение и отчуждение.

Наталья потребовала разъяснений, и получила несколько ударов в живот. Коротких, но болезненных. Открылось внутреннее кровотечение, была операция, в результате которой Наташа получила диагноз-вердикт: – «Стерилистас II». Объяснять ей, что вторичное бесплодие не столь безнадежно, никто не пожелал. У Наташи не осталось сил даже для ненависти. С мужем расстались без эмоций. «Наркоману всё по барабану»! – сказал он супруге.

По старой памяти Наташу пригласили работать на кафедру биохимии. Это было далеко до того, о чём мечталось. Но ближе к тому, что могло быть. Наталья Николаевна знала, над какой темой работал каждый научный сотрудник: от заведующего до аспиранта первогодка. В последнее время работа ректора застопорилась. Скорее всего, старик устал. «Наелся», что называется. Докторскую степень он защитил

давным-давно, звание профессора и члена-корреспондента получил, куда выше? Наталья понимала старичка и делала всё, чтобы никому не приходило в голову заподозрить светило мировой науки в наплевательском отношении к научной работе.

Сегодня она убирала за студентами, делавшими лабораторную работу по ферментному катализу. Половина группы работала с препаратами печени, другая половина – почек. Что с чем связывалось, и что получалось в результате, – Наталья Семёнова не знала, и вникать не хотела. Старший лаборант выполняла свою работу. Прогнав Колбина, она решила навести порядок самостоятельно. Настроение было подходящим. Когда на душе скребутся кошки, лучше всего заняться привычной работой. Наталья знала: этот рецепт от хандры срабатывает безотказно. Механически промывая пробирки и реторты, Наталья старалась выгнать из головы ненужные мысли, «загрузки».

Задумавшись, она не заметила, что одна из пробирок разбита. Лаборантка порезалась и вскрикнула. Осколок тонкого стекла торчал из большого пальца. Наталья, зажмурившись, выдернула стекло. Женщина сполоснула под краном палец и забинтовала его. Боли не было, но лаборантка продолжала машинально дуть на повязку.

Наконец она сообразила: делает что-то не то. Наталья Николаевна вздохнула, надела резиновые перчатки. Лаборантка по-быстрому прополоскала пробирки и колбы, осколки

стекла выбросила в металлический бачок с закрывающейся крышкой.

Подошло время обеда. Ещё немного, и рабочий день закончится. А потом всё по наезженному сценарию: магазин – лёгкий ужин – надоевший телевизор – неудобный диван. А с утра всё сначала.

– Наталья Николаевна! Вы как насчёт буфета? – спросил седовласый мужчина с профессорской бородкой.

Наталья, улыбаясь, стянула перчатки, сняла халат. Доцент Хлопин, когда был в хорошем настроении, приглашал в буфет.

– Что, Наталья Николаевна, по стаканчику красненького? – спрашивал он, потирая ладони.

Поначалу Наталья краснела оттого, что доцент говорил нарочито громко, чтобы слышали преподаватели за столиками, но вскоре привыкла и уже не представляла, что бывает иное «красненькое», кроме томатного сока.

Доцент принял из рук лаборантки белый халат, аккуратно повешал на крюк в стене с надписью: «Сотрудники кафедры». Хлопин Александр Юрьевич с утра чувствовал прилив энергии. Сорокалетний доцент предчувствовал хорошие вести. Недавно Хлопин заполнил анкету в одно из новых СП. Обещали хорошие деньги за ту же работу, что и на кафедре. Какой образованный человек не хочет получать за свой труд заслуженную оплату? К тому же, есть возможность совмещения, о чём намекнул старый приятель, однокашник.

– Сомнительное предприятие, что и говорить, но деньги-то реальные! – говорил он Хлопину, похлопывая его по плечу как старого друга.

Хлопин поморщился и улыбнулся, махнув рукой.

– Согласен! – сказал он с деланным вздохом, после чего заполнил анкету. Бумага с водяными знаками и строгим шрифтом нисколько не убедила доцента, что совместное предприятие не схоже с известной фирмой «Рога и копыта». Однако не зиц-председателем же его берут!

О деятельности фирмы сообщалось как-то расплывчато.

– Это как: «гуманитарная помощь развитым странам»? – зачитал Хлопин, глядя на однокашника.

– Типа того, – ровесник обвёл рукой вокруг головы.

– Понял. Помощь развитым от недоразвитых!

– Типа того, – повторил друг, улыбаясь.

– И сколько дают за это, «типа того»?

– Пять тысяч за час работы.

– Американских долларов?

– Не «бакинских рублей» – «еврейских тугриков»!

Больше ничего от бывшего однокашника, ныне набивающегося в друзья лысого ровесника, выудить не удалось. Хлопин заполнил анкету со стандартными вопросами, никак не отражающими его профессиональный уровень. Договорились встретиться на днях, а то и раньше. Прошло две недели. Хлопин ждал звонка терпеливо, не навязываясь. Доцент имел в запасе такой козырь, при котором его однокашник

станет не руководителем, а подмастерьем. Как полагается за-
ядлому троечнику.

Доцент начал подзабывать о старом знакомом, как вдруг,
сегодня утром тот объявился.

– Ты знаешь, сколько сейчас? – спросил в трубку Хлопин
вполголоса, по привычке, стараясь не разбудить жену, кото-
рая удрала от него ещё прошлым летом.

– Половина пятого, мой друг!

– Лёнь, ты что, поддал?

– Удивляешь ты меня, Александр Юрьевич! Наша работа
требует чёткого учёта времени. Экспозиция, называется!

– Леонид Николаевич! Не каждому доценту дано знать
столь умные слова!

– Саня, не дуйся! Я ночь не спал, так что, днём ме-
ня не тревожить! Поэтому сообщаю, что твоя кандидату-
ра одобрена! – высказался бывший однокашник и отключил
связь.

После разговора с Леной доценту не спалось, что не изме-
нило его хорошего настроения.

Глядя на старшую лаборантку, Хлопин улыбался.

– Я что-то делаю не то? Или не так?

– Что вы, что вы, Наталья Николаевна! – всплеснул рука-
ми доцент. – Я своим мыслям улыбаюсь.

– То-то и оно, – пробурчала вполголоса Наталья. Она
улыбнулась и непроизвольно сунула пораненный палец
в рот.

– Производственная травма? – шутливо нахмурил брови доцент.

– Вроде того, но, – Семёнова встрепенулась, – никаких больничных листов, Александр Юрьевич!

– Понятно, – вздохнул доцент, как будто мечтал подписаться под актом производственного травматизма.

Наталья не понимала причину хорошего настроения старшего преподавателя. Бабу, что ли, нашёл? Она оглядела доцента с ног до головы так, чтобы он ничего не заметил. Брюки давно не глажены, распушенная серая нитка на правой ноге, нечищенные туфли, галстук набекрень, как у задиристого пионера. Чужая жена бы не решилась выпустить любовника в таком виде! Наталья приснула.

– У вас, вижу, приподнятое настроение! Так держать, Наташа! – Хлопин тряхнул сжатым кулаком.

– «И пусть они падают передо мной штабелями»... – процитировала доцента Семёнова. Голос её остался безучастным, как у диктора за кадром.

Хлопин, смутившись, сделал вид, что поперхнулся. Он взял салфетку со стола, прижал к губам.

– Извините, – щёки лаборантки окрасились вишнёвым цветом.

– Не хватай чужие предметы гигиены! – сказал доцент, ухмыльнувшись.

Наталья опустила глаза. Угораздило же прижать к больному пальцу салфетку и положить обратно на край стола! И это

она, только что, мысленно осуждала неряху доцента! Какой стыд.

Хлопин повернулся к ней спиной, кликнул коллегу. Завязался рабочий разговор. Кто проводит семинар, кому читать лекцию, сколько часов осталось отработать до конца семестра.

У Натальи заболел палец. Рана запульсировала. Старшая лаборантка пошла в медпункт.

– Ерундовая царапина, на нашей работе и не такие бывают! – сказала Наталья, увидев расширенные глаза медсестры.

– Обработаю йодом и наложу повязку! – заявила молодая девушка. Её с большим трудом устроили в медпункт при медицинском институте, с далёким прицелом на поступление. Дважды она завалилась на экзамене и не любила заносчивых сотрудников института. Девушка знала, старший лаборант биохимии никак не может влиять ни на вступительные, ни на последующие экзамены.

– Не лучше фурациллином? – поинтересовалась Семёнова.

– Не лучше, – буркнула медсестра.

Наталья зажмурилась в ожидании. К её удивлению жжения не было. Выходит, не такая страшная рана. «Непроникающая», – мелькнуло в голове слово, услышанное от какого-то студента. Когда-то в детстве, маленькая Наташа разбила во дворе коленку, и мама обработала ссадину йодом. Как кричала тогда девочка Наташа! Стоило вспомнить, так горло

Натальи засадило. А вот теперь, хоть бы что!

– Это точно йод?

– Спиртовой раствор йода.

– Спасибо, – сказала Наталья, отказалась от повязки и ушла.

Молоденькая медсестричка тотчас забыла о пышнотелой лаборантке с кафедры биохимии. Нужно было найти подружку для субботнего вечера. Володенька, студент второго курса выставил условие: привести «тёлку» для его товарища.

– Иначе, сама понимаешь, – сказал он, покачивая головой из стороны в сторону, – с тоски сдохнем, Ленок!

Она понимала. В прошлый раз так оно и было. Сутулый товарищ Володи без конца болтал, явно не собираясь «сходить, просвежиться». Так и просидели втроём в душном рыбацком вагончике. А планы на Володю были большие.

Девушка с отвращением принялась за уборку вверенного ей медпункта. Она смахнула в ящик стола кипу бумаг, оставленных физруком, обмахнула влажной тряпкой крышку шкафа с медикаментами. Унылая, однообразная работа! Вот, когда дадут диплом врача, она сама будет придирчиво тыкать пальцем в укромные места, отыскивая пыль. Ох, и не поздоровиться тогда процедурной медсестре!

Замечтавшись, Лена уронила со стола лоток с использованными шприцами, тампонами и грязными ватными шариками. Эмалированный лоток обиженно звякнул о кафельный пол, перевернулся. По форме он напоминал человеческую

почку, только покоцанную с одного края. Эмаль затрещала, откалываясь мелкими частичками.

Лена присела на корточки и загляделась. Один из микроскопических отломков отскочил в глаз. Медсестра схватила первый попавшийся тампон и протёрла им глаз.

Боли не было, только немного покраснел глаз. Ничего, поутру после вечеринки, и не такое бывает. Уже к обеду проходит. Лена собрала мусор медицинской щёткой в разбитый лоток и выбросила в контейнер с надписью: «Отходы класса «В»».

До конца рабочего дня оставалось немногим больше получаса, этого времени с избытком хватит, чтобы обзвонить подружек, возможных кандидаток в партнёрши к угреватому, косноязычному другу Володи!

Глава 2

Из сверкающего чёрного до синевы «Бумера» появился носок лакированного туфля. Затем появился носок в фиолетовую полоску, после чего – коротко подрубленная штанина неглаженных брюк. Некоторое время спустя явился миру водитель иномарки.

– Ты время не тяни! Под дурика косить не прокатит! – гаркнул старший сержант, держа в руке жезл гаишника, повернув обратной стороной к голове водителя. – Дыхай сюда!

Увидев перед собой металлическую трубку жезла, молодой человек поморщился.

– Дыхай!

– Отдыхай, дядя! – сказал водитель, подмигнув «гаишнику».

Сотрудник ГИБДД опешил. Если у людей обычных в таких случаях челюсть отвисает, то у лиц при исполнении, наоборот, сжимаются зубы до скрипа.

– Если не хочешь разойтись по-хорошему, любезный, могу устроить проверку на служебное соответствие! – молодой человек улыбался, и от его улыбки веяло чувством превосходства.

Гаишник продолжал стоять, держа перед собой жезл как рог тамада, плотно сомкнутые челюсти не собирались разжиматься, чтобы дать ответ нахальному пацану.

Парень сунул руку в карман.

– Дача взятки должностному лицу, – сказал наконец сержант, подставив ладонь.

– Карается законом! – подхватил молодой водитель. – Поэтому, товарищ сержант, никаких любовных разговоров! Едем в твой участок и оформляем протокол!

– По полной программе! – разозлился милиционер.

– И на всю катушку! – улыбнулся нарушитель.

Он взял сержанта за локоток и повёл к милицейской «Ладе». Обескураженный милиционер всё никак не мог прийти в себя. Только пройдя полпути, он дёрнул рукой, высвободившись от ненавязчивого захвата. В следующий момент сержант крутнулся на месте, захватив запястье молодого нахала, вывернул ему руку за спину.

– Мыкола! Ты шо творишь?! – крикнул напарник, выпрыгивая из машины.

– Да вот, задержал нарушителя!

– Пусти его, болван! – мохнатые брови старшины сдвинулись на переносице.

– Ты что?

– Быстрее отпускаяй! Шуро, говорю тебе! – старшина аж подпрыгнул. Ещё момент промедления, и двинет в рыло напарнику. Не смотря на боль в вывернутой руке, молодой человек хихикнул.

Сержант отпустил задержанного и уставился на старшего по званию. Огненный взгляд требовал объяснений.

– Извиняйте, дорогой! – засекотил старшина, извиваясь ужом вокруг нарушителя. – Це ж, Мыкола – лимита! Шо он знает?

Молодой человек перестал улыбаться.

– Мы же ж, могём... – мент сдёрнув фуражку, протёр лоб синим носовым платком, – возместить.

– Живите, ментяры! – улыбнулся парень, пригрозив пальцем несколько не пострадавшей от ментовского захвата руки. – И другим давайте!

Он развернулся и пошёл к машине.

– Шо ты наделал, дурень? Це ж хлопец добрый!

– Да пошёл ты! – дёрнул плечом напарник, разозлившись оттого, что его не желают посвящать в тайны большого города. Откуда ему, второго дня службы знать, хто добрый хлопец, а хто байстрюк?

Молодой человек уже был далеко. Хохлы гаишники позабавили его, но с мысли не сбили. Он продолжал размышлять, что не мешало ему превышать скорость до заоблачных высот.

Не сегодня – завтра, крайний срок, наклёвывается удачная сделка. Он это чувствовал нутром, каждая клетка организма трепетала. На месте не сиделось, поэтому нога всё сильнее вдавливала педаль газа. Молодой человек ёрзал, поглядывая на мигающий мобильник.

Молодой человек краем глаза заметил, что на шоссе выходит грунтовая дорога, но не придал этому никакого значе-

ния. Обычно колхозники долго стоят на месте, прежде чем выехать на трассу, пропускают летящие машины, на которых едут люди. Похоже на этот раз водитель «буханки» с красным крестом спешил сильнее удачливого бизнесмена. Он вырулил на скоростную трассу, не утруждая себя томительным ожиданием.

Прямо перед глазами водителя BMW вырисовался «уазик», нахально развернувшийся к иномарке задом. Парень выругался, вывернул в сторону, вильнув задом. В этот момент заработал мобильник. Автоматически включилась громкая связь.

– Вадюха! Пляши! – проорал хрипловатый голос.

Вадюха, вперившись в дорогу глазами, ничего не ответил. На бешеной скорости он завершал обгон облезлой «буханки». Хотелось обойти того козла, вынудить остановиться, а потом уж разобраться по полной программе! Пистолет, вынутый из бардачка, придавал уверенности.

– Чего молчишь? Ты где? Уже отмечаешь? – посыпались вопросы товарища.

– Потом, Сява! Всё потом, будут и танцы, и маскарадные костюмы! – последние слова молодой человек произнёс на злом выдохе, стараясь не упускать из виду оставшегося позади придурка.

Сява понял, Вадюхе не до базара. Похоже, занят с важными людьми. В последнее время дружок Сявы, что называется, «образовался». Вадюха стал молодым, подающим надеж-

ды бизнесменом, и зовут его теперь Вадимом Палычем! Понтов-то больше шлюхи привокзальной, одним словом «президент»! Но Сява в любой момент мог напомнить корешку, по чьей милости пять годков хлебал тюремную баланду. Он тогда пошёл «паровозом» за групповое ограбление банка. Денег менты, естественно, не нашли. Теперь появилось солидное СП, президентом которого стал сопляк Вадик. По выходу из зоны Сява перекрестил Вадика в Вадюху, объяснив, что так солиднее.

– Солиднее было бы, Вадим Павлович.

– Бы, бы, бы! – передразнил его Сява, закончив дискуссию.

Сегодня фраер из НИИ обещал подогнуть нового человечка. Судя по всему, полезного. У него в интеллигентной башке бродят умные мысли, можно хапнуть по-крупному. Работать с молдавашками – дорого и неэффективно. Их дохлые организмы разлагаются ещё не доехав до границы.

Тем временем Вадюха заставил-таки водителя «буханки» остановиться. Мужичок, судя по всему, не был конченным дураком, потому не орал из приоткрытой двери. Прихватив ствол, Вадим Палыч вышел из машины, встал на дороге. Не барское это дело – подбегать на полусогнутых к виноватому.

Виноватый не спешил выскакивать из машины, грохаться наземь и ползать на коленках.

«Уазик» стоял на дороге, заглушив мотор. Как будто во-

датель закончил вынужденную гонку и теперь свалился без сил, почивая на лаврах победителя.

Вадим Павлович постоял некоторое время. Как ему показалось, больше пяти минут. На самом деле не прошло и десяти секунд. Кровь закипела в молодом теле, ноги мелко задрожали в предвкушении грандиозной драки. Не хотелось подпортить свой бизнес-фейс, поэтому президент СП выставил перед собой пистолет и двинулся к обшарпанной «буханке».

– И ещё скажи, что у тебя тут больной погибает! – закричал он, распалая себя.

Тишина в ответ никак не способствовала примирению. Вадюха в два прыжка оказался рядом, рванул что есть сил за ручку кабины «Уазика».

В следующий момент Вадюха рефлексивно отбросил пистолет.

Из кабины вывалился усатый мужичок в замызганной кепчонке. Малорослый и дохлый, в пиджачке с протёртыми рукавами на локтях, он меньше всего походил на наглого козла, бросившего вызов крутому «бумеру». К тому же, по неизвестной причине, издох.

Вадюха едва не заплакал от досады. Надо же так попасть! Перегородив машиной скоростную трассу, оказаться посреди дороги с дохлым дистрофиком! Плюс ко всему, рядом незарегистрированный ствол! Начавшиеся проблемы грозили опустошить неприкосновенный запас. А его-то накануне крупной сделки трогать не хотелось. Вадим Павлович запнул

пистолет под дно своей машины и нагнулся над мужичком, имитируя оказание первой помощи.

– Чё там, зёма? – раздался за плечом приклатнённый голос.

Вадим Павлович промолчал. Говорить с шестёрками шоферами не в его правилах. Хотя ответить нужно. Иначе, не поймут те, которые продолжают сидеть в салоне подкатившего пятисотого «мерина».

– Чуть не сбил меня, падла! А сам, похоже, очучурился, – сказал Вадим, не оборачиваясь.

– Да плюнь ты на него! – сказал мужик, сопроводив слова смачным плевком.

– Может, больных вёз?

– Так, посмотрим! – шофёр запрыгнул в кабину «уазика», заглянул в салон. Мгновенье спустя, он выпрыгнул на дорогу, матерно выругавшись.

– Что там? – выкрикнул кто-то из вороненого «мерина».

– Пустой жмуровоз со жмуrom за баранкой!

– Каких только козлов на наших дорогах не встречается!

Эй, парень! Убери тачку с дороги!

– Он, кажется, живой! – выкрикнул на радостях Вадюха, учуяв сильный запах перегара.

– Хрен с ним, он-те что, отец родной? – спросил водила.

– Ладно, – махнул рукой Вадим Павлович. Он быстро сел в свою машину, отогнал к обочине.

Люди проехали по своим людским делам.

Вадим задержался на трассе. Первым делом он пробежал по дороге к месту, куда запнул ствол. Пистолета не было. Вадим обследовал трассу, насколько это было возможно – постоянно в обе стороны сновали иномарки, поднимая пыль. Пистолета не было. Похоже, водила прибрал его к рукам. Вадим усмехнулся. Он запомнил номер «мерина». Не успеет доехать до города, как его повстречает Сява и накрутит крысиный хвостик!

Вадюха выдернул мобильный из кабины, нажал кнопку вызова Сявы и, не дожидаясь гудка, влез в «труповозку». У скамейки стояли контейнеры для сбора медицинских отходов, помеченные буквой «В». Вадим знал, что это означает «особо опасные медицинские отходы». В термokonтейнерах чаще всего перевозят удалённые органы для трансплантации. Сама удача прыгнула в руки, как радостная малолетка на коленки заступника от банды ровесников. Он присел на корточки, протянул руки к крышке термokonтейнера. В следующий момент в глазах Вадима Павловича потемнело, сквозь голову пролетел миллиард ярких звёзд, сознание уплыло по Млечному пути...

Глава 3

Александр Юрьевич читал студентам лекцию. Оплата была символической, зато Хлопину сам ректор предоставлял свободу выбора темы, независимо от учебного плана. Студенты не возмущались. Лекции Хлопина были интересными, голос живым, примеры удачными. Если сам ректор что-то бубнил, рассыпая химические формулы по доске, то доцент Хлопин рассказывал байки о сложных процессах в организме человека на примерах из повседневной жизни. Сегодня лектор был в ударе.

Хлопин ходил вдоль большой доски, размахивая руками. Студенты оторвали носы от конспектов, глядя на преподавателя с раскрытыми ртами. Изредка академическое молчание прерывалось мелкими вспышками смеха.

– Итак, доктора, перед вами простая задача с нелёгким, на первый взгляд решением! – сказал лектор, повернувшись лицом к аудитории.

Мало кто помнил о задаче, потому что Хлопин говорил много остроумных вещей, о какой из них речь? Доцент имел привычку обращаться к кому-нибудь из зала с вопросом, и никто не хотел выглядеть посмешищем в глазах товарищей. Поэтому каждый напрягся, вспоминая последние слова лектора.

– Замёрз, Колбин? – Хлопин ткнул пальцем в сторону

«камчатки».

– Никак нет! – бодро, по-уставному ответил студент.

– Тогда скажи, дорогой, что ты сделаешь в этом случае?

Колбин проморгался и ляпнул наугад:

– Постараюсь выйти с меньшими потерями!

– Соображаешь! – доцент покачал вытянутым кверху указательным пальцем.

Аудитория замерла в ожидании очередной хохмы, которой не последовало.

Хлопин вернулся к теме лекции.

– Итак, дома пустой холодильник, стенки кошелька, как и желудка, слиплись, соседи жадные – позакрывались на все запоры. В магазине в долг не отпускают! Что делать, дорогой?

– Обратиться к опыту старшего поколения! – отозвался наглый студент.

– Это как? – спросил лектор с заинтересованным лицом, не предвещающим никакого подвоха.

Студенты сообразили: начался опрос. Хлопин часто выявлял способных студентов вот так, походя. Затем приглашал их в научный кружок со всеми вытекающими. А вытекло оттуда за последнее время ни много – ни мало: четыре аспиранта!

– Бутылки собрать! – сказал Колбин. Его голос в притихшей аудитории раздался так громко, что студент поджал уши.

– Неплохо! – отметил доцент, уже не глядя на Колбина. Хлопин развернулся к доске, ткнул указкой в нарисованную им клеточную мембрану: Итак, сходил в подъезд, из последних сил взобрался на верхний этаж, собрал бутылки.

Хлопин уцепил со стола папку, сгорбился от воображаемой тяжести, затем перешагнул через воображаемый порог, высоко поднимая ноги.

– Бутылки сдал – купил булочку!

Никто не хихикнул. Все ждали продолжения. Отличники напряжённо соображали: куда клонит лектор? Среднячки и бездельники предвкушали очередную хохму. Колбин чувствовал себя героем, заставившим доцента заняться подкинутой идеей.

– Главное, что? Мозг заработал, а он-то и сообразит, как быть дальше. Наш мозг, доктора, аристократ! Он не может питаться обедками, недаром я не упомянул о контейнерах во дворе! Ведь можно было порываться и отыскать огрызок яблочка, колбасную шкурку и прочие «деликатесы»? Можно! – ответил сам себе доцент. – Но голодающий, как человек интеллигентный, не стал этого делать. Не позволило воспитание, скажите, и будете тысячу раз правы! А мозг человека воспитан изначально, он кушать продукты жизнедеятельности других органов не станет! Ему нужна чистая глюкоза. А где её взять?

Молчание.

– Да вот же! – доцент ткнул указкой в рисунок на доске. –

Челночный механизм! Как наши челноки в период зарождения капитализма мотались в Турцию за «американскими» шмотками, в Польшу за «французским» парфюмом, обращая их в деньги, так и ферменты переносят через мембрану клетки – обломки кораблекрушения – остатки белков, а в цитоплазме превращают их в глюкозу. Изнутри клетки в кровь выходит уже не пустая бутылка, а булочка с маком!

– Самое интересное, – Хлопин поднял палец кверху, глядя на отличников, сидевших на первых рядах, – в челночном механизме ключевую роль играет та же любимая малат-ацетатная пара!

Лица отличников озарились. Хлопин улыбнулся.

– Тот самый, любимый всеми нами цикл Кребса! Улавливаете, насколько всё взаимосвязано? – спросил Хлопин, оправдывая себя в душе за чтение лекции следующего семестра.

– Александр Юрьевич! – спросил студент с первого ряда. – Выходит, человек не может умереть без пищи долгое время, если мозг получает глюкозу в чистом виде, даже при полном голодании?

– Выходит, как и заходит! Слышали о йогах, которые дышат через раз, впадая в анабиоз?

– Ну да.

– Ну да и да ну! – развеселился доцент: время лекции заканчивается, материал выдан, впереди встреча с деловым партнёром. – Получать глюкозу из отходов распада белка

и жиров имеют способность клетки печени и канальцев почек, так-то!

Дюжина студентов столпилась перед лектором с подготовленными вопросами. Хлопин давно изучил этот контингент. Остаются после лекции, выдают подготовленные вопросы, пытаясь блеснуть интеллектом. Чаще всего, из десяти двое имеют кое-какие знания, остальные – обычные выскочки.

– Александр Юрьевич, получается, у печени и почек есть дополнительная функция, обеспечивающая жизнеобеспечение человеческого организма? – спросила прыщеватая не по годам долговязая студентка в зауженных джинсах.

– Клара! Дорогая, сама-то поняла, что сказала? – спросил Хлопин, прищурившись.

Под дружный хохот студентов доцент покинул аудиторию. Улыбка не сходила с его лица. Хлопин ушёл в соседний корпус на свою кафедру. Он вошёл в закреплённую за ним лабораторию. Первым делом Хлопин вынул из кармана пиджака мобильный, проверил последние звонки. Во время лекции его дважды домогался Лёня!

– Нетерпеливый ты наш, – улыбнулся доцент, – с таким бы рвением, да на пользу Родине!

Хлопин вынул из кармана брюк связку ключей. Доцент подмигнул трещине на потолке и прошёл к личному сейфу, вмонтированному в стену. Там хранились особо опасные химические соединения. Когда студенты занимались в этом кабинете, ни одному из них не приходило в голову лезть

в шкаф с непонятными реактивами. К тому же, шкаф закрывался на замок с секретным кодом, а баночки были непрозрачными, формулы на этикетках – отрывочные и непонятные. А уж открывать заднюю стенку, чтобы получить доступ к сейфу доцента, увольте! Кому нужна такая инициатива?

Александр Юрьевич переставил флаконы на нижнюю полку, сдвинул фанерную стенку шкафа в сторону и добрался до дверцы сейфа. Его тотчас прошиб холодный пот. Комбинация цифр на кодовом замке сейфа не такая, какой он оставлял! Вместо 111 было набрано 666!

– Любой атеист в штаны наложит, – пробурчал Хлопин.

Доцент отёр пот со лба и продолжил открывать сейф. Ничего хорошего он уже не ожидал.

Так оно и вышло: его реактива на месте не оказалось! Пустой штатив без единой пробирки. Четыре пустых лунки, на крайней – ближе к доценту – полукруглая трещинка.

– Улыбнулась шабашка! – отметил Хлопин. Закрыв сейф, восстановив видимую целостность шкафа, доцент уселся на крутящийся стул, взялся за голову. О сейфе знали все сотрудники кафедры. А что знают двое... Не бежать же к ректору на разборки, в конце концов!

Хлопин поднялся на ноги, походил по проходу между столами для химических опытов. Со зла сорвал пипетку с бюретки, бросил на стол. В коридоре слышались шаги. Александр Юрьевич понял, студенты спешат на очередную пару. Вскоре они застанут в пустой аудитории добродушного, все-

гда весёлого доцента трясущимся от злости! Хлопин включил кран, наскоро умылся. Без суеты он приладил пипетку на место, присел за стол, вынул из стола преподавательский журнал.

– А то! – проорал студент, не видя доцента. Молодой человек входил в аудиторию спиной вперёд, продолжая бурный спор с однокурсниками.

– И это тоже, – сказал Хлопин, улыбаясь.

Вошедшие студенты пораскрывали рты – увидеть старшего преподавателя вместо аспирантки никто не ожидал. К занятию, естественно, никто не готовился.

– Чего застыли, други?

– Александр Юрьевич, извините, мы тут обсуждали...

– ... проницаемость мембраны митохондрии! — Хлопин кивнул, заранее соглашаясь с возможными репликами.

– И это тоже! – сказал самый крикливый студент, глядя на Хлопина.

– Колбин! – вдруг воодушевился доцент. – А ты ведь только что был здесь, перед лекцией!

– Да. Александр Юрьевич, я же убирал кабинет.

– Покажи руки!

Студент машинально спрятал ладони за спину.

– Что, – прошептал ему в ухо сокурсник, – волосы на ладошках выросли?

Студенты, уверенные, что препод не слышит этих слов, заржали.

– Извините, Александр Юрьевич, – Колбин вытянул руки вперёд открытыми ладонями. На большом пальце правой руки Хлопин заметил замытый потёк реактива. Характерного по цвету химического состава.

– Руки, Колбин, надо мыть перед едой, мама не учила?

– Да я это, сразу после лекции мыл, – сказал Колбин, переминаясь с ноги на ногу.

– Ладно, не в детском саду! – доцент махнул рукой. – Жду в преподавательской!

– А лабораторная? – спросил Колбин, потирая большой палец правой руки уделанный несмываемой коричневатой грязью. Когда и где он зацепил это пятно?

– Жанна Альбертовна проведёт занятие, – сказал Хлопин, глядя на остальных студентов. Услышав облегчённый вздох, добавил: Колбин вернётся к обсуждению хода работы!

Воодушевлённые студенты моментально заняли места за длинным лабораторным столом. Доцент кивнул Колбину и вышел из лаборатории первым. Студент плёлся за ним, не понимая, чего ожидать от преподавателя и работодателя в одном лице.

– Ну-с, дорогой, как ты мыл руки? – спросил Хлопин, усевшись за стол преподавателя. Он оттолкнулся ногами от пола и подъехал на кожаном кресле к студенту.

Колбин смочил пальцы языком и протёр правую ладонь.

– Помогает?

– Не-а.

– Не пугайся, тебя никто не собирается отчислять и тем более, увольнять! – подбодрил Хлопин. – Скажи, сколько времени ты убирал до перерыва?

– Как положено, полчаса.

– И успел добежать из прозекторской до главного корпуса?

– Александр Юрьевич, понимаете, это невозможно.

– Понимаю, потому и спрашиваю.

– Ну, я по-быстрому.

– По-армейски?

– Ага, наскоряк!

– То есть, ничего толком не сделал, – заключил Хлопин и продолжил мыслить вслух: – Слил всё в одну колбу и бросил в раковину. Спешил в буфет, по-армейски. Как там? «Война войной...»?

– «А обед по расписанию», – улыбнулся студент.

– Хоть с обоих столов убрал?

– Так точно!

– Я к чему всё это? – спросил доцент, глядя в окно.

Колбин вздохнул.

– Наталья заметила, что ты в последнее время что-то сильно спешишь. Не стыдно, дорогой, сваливать работу на женские плечи?

– Понял, Александр Юрьевич. Исправлюсь! – студент шмыгнул носом.

– Она мне не жаловалась, я тебя не отчитывал! – сказал

Хлопин, жестом показав, что студент может идти.

– Понял, Александр Юрьевич!

Хлопин подъехал на кресле к столу, открыл папку с документами.

Колбин, еле сдерживаясь, пружинистой походкой вышел за дверь и дал дёру до лаборатории.

Хлопин отключил мобильный. Ни к чему сейчас звонок Лёни, ой, ни к чему! Такой козырь увели из колоды! С чем входить в новую компанию? На побегушки к вчерашнему троечнику! Не было печали. Ещё вчера вечером Хлопин перепроверил собственное изобретение и убрал в сейф. Выходит, кто-то выкрал реактивы именно сегодня. Скорее всего, во время первой пары. Колбин, конечно, наглец и оболтус, но утащить реактивы он просто не мог. Наталья? Наталья! Она же поранила руку!

Хлопин вскочил со стула, выбежал в коридор. Дёрнув за ручку двери лаборантской комнаты, он чуть было не потерял равновесие. Дверь была не заперта.

– Александр Юрьевич! Вы что-то хотели?

– Наталья, дорогая вы наша! Я очень хотел бы знать... – начал говорить Хлопин, но, увидев глаза старшей лаборантки, сменил тему: – Что у вас с пальцем?

– Александр Юрьевич, пустяки! Даже йодом не жгло!

Александр Юрьевич отвернулся, приложил ладонь к груди.

– Что, что с вами? Сердце?

– Наташа, моё сердце принадлежит науке!

– Шутите? – Наталья всплеснула руками. – А я напугалась до смерти!

– Йодом даже не жгло...

– Ну да! Я ещё попросила медсестру обработать фурациллином, а она ни в какую! – всплеснула руками Наталья.

– Покажите!

Старшая лаборантка показала большой палец правой руки. Хлопин взял в руку её ладонь, осмотрел. На этот раз он удержался, чтобы не схватиться за сердце. Доцент понял: изобретённый им раствор был вылит в раковину! И это ещё в лучшем случае.

– Скажите, пожалуйста, – Хлопин посмотрел в глаза Натальи, продолжая держать её ладонь в руке, – вы получили травму уже в раковине, или...

– В раковине. Разбилась большая колба для сброса реактивов. Хорошо, сегодня не было никаких едких химикалиев.

Доцент хмыкнул.

– Почему вы надо мной смеётесь, Александр Юрьевич? – лаборантка выхватила руку и сунула её за спину.

– Всегда потешает ваша непосредственность, Наталья Николаевна!

– Даже когда мне больно? – взорвалась старшая лаборантка. Она чувствовала, что вести себя так со старшим преподавателем кафедры нельзя, но остановиться уже не могла. – Почему вам всегда потешно, когда людям плохо?

– Наталья! Я совершенно не собирался вас обидеть, тем более, надсмехаться над вашей болью! – Хлопин покачал головой. В глазах его было столько тоски, что Наталья разом сдулась, как воздушный шар. Лаборантке показалось, что Александру Юрьевичу гораздо больнее, чем ей самой.

– Просите меня, Александр Юрьевич. Не знаю, что на меня нашло, – плечи лаборантки опустились. Лицо скривила гримаса. Ещё секунду, и её коровьи глазки зафонтанируют! Хлопин не знал, что делать. Обнять, утешить, или выйти прочь, извинившись. Он постоял в нерешительности, глядя на измятый и местами прожжённый халат Семёновой. Бедная женщина, ещё такая молодая, а за собой уже не следит. Мало того, что никогда не восстановится в институте, так ещё и помрёт в одиночестве. Хлопин поморщился. А кто обо мне подумал? В таком же в одиночестве, так же без перспектив и денег! Доцент, ни говоря ни слова, направился к выходу.

На разработку новых компонентов для фиксирующего раствора Хлопин затратил полтора года. Работал сверхурочно, полулегально, на износ. В результате: кто-то, скорее всего неосознанно, просто-напросто выплеснул реактивы.

Дождавшись перерыва, Хлопин прошёл в преподавательскую. Жанна Альбертовна стояла лицом к окну. Она дёрнула плечом, выбросила что-то в форточку и повернулась к входной двери.

– Ректор не одобряет такого поведения, Жанна Альбер-

товна!

– Александр Юрьевич, я...

– Если аспирантов отчисляют за курение, то уж рядовому ассистенту не миновать кары сей! – Хлопин улыбнулся.

– Но я же, – воодушевлённая неплохим настроением старшего преподавателя, Жанна Альбертовна процитировала его, – «в форточку».

– А хоть бы и в поддувало! – сказал Хлопин, скрестив руки на груди. Улыбка так и не сходила с его лица. Но чувствовалась в ней неприветливая гадливость. Жанна Альбертовна сникла. Она стояла, скрестив руки на груди, не зная как уговорить доцента не сообщать о страшном проступке молодой ассистентки.

– Жанна Альбертовна, давно намереваюсь вас спросить...

Жанна Альбертовна подобралась. Она повернулась к доценту. Веснушчатое лицо двадцатипятилетней преподавательницы равномерно окрасилось бордовым цветом. Если предложит кровать, решила она, надо соглашаться. Хоть бы здесь и сейчас. До защиты диссертации осталось два с небольшим месяца.

– Я готова, – Жанна Альбертовна, имитируя нерешительность, расстегнула пуговичку накрахмаленного халата.

– Переодеваться не нужно, – сказал Хлопин, прекратив улыбаться.

Лицо Жанны Альбертовны перекрасилось, теперь оно напоминало передержанную в духовке булочку с маком.

– Так вот, – протянул Хлопин, – о чём это я?

– Вы хотели о чём-то спросить, Александр Юрьевич, – Жанна Альбертовна движением одного пальца застегнула пуговицу на груди.

– Да, – Хлопин пожевал губами. – Вы имеете доступ к сейфу с реактивами.

– Я, конечно, имею доступ к реактивам. В том числе, к особо опасным.

– К биологически опасным, – поправил Хлопин. Он продолжал смотреть на молодую ассистентку, ожидая... Сам не зная, чего. Признания в чём: халатности, безалаберности или намеренном вредительстве?

– Александр Юрьевич, что-то случилось? Что-то пропало из сейфа в вашем кабинете?

– Вы удивительно проникательны, дорогая коллега.

– Если пропала крупная сумма, давайте привлечём органы, ну я не знаю, что и делать, – сказала Жанна Альбертовна, щёлкая суставами пальцев.

– Если не удастся бросить, – Хлопин указал кивком на форточку, – хоть не наглеть!

Жанна Альбертовна стояла перед начальником и громко моргала накладными ресницами. Её золотые серёжки большими кругами подрагивали, хлопая по щекам.

– На воре и шапка горит! – усмехнулся Хлопин, оглядев рыжую шапку волос Жанны Альбертовны.

– Хорошо, я нарушила правила. Я готова искупить вину,

любой ценой! – Жанна приложила сложенные ладони к подбородку.

Хлопин не отрываясь, смотрел на подчинённую. Маленькая родинка посередине её лба вдруг увеличилась и приобрела форму овального пятна. Доцент улыбнулся – вылитая героиня индийского фильма!

– Цена одна – ваше здоровье. Плюс репутация кафедры.

– Но что взамен?

– Кто брал реактивы из моего сейфа, и для чего. Скажете точно, тогда, – Хлопин сделал ладонями умывательные движения, – всё забываю.

В это время зазвонил мобильный телефон Хлопина. Доцент извинился, вышел из преподавательской. При этом он сделал жест, указующий Жанне Альбертовне занять место на стуле у окна.

– Привет, Саня!

Хлопин поморщившись, оглянулся. Настолько громко раздался голос в трубке. Кто бы из студентов не услышал панибратского обращения к старшему преподавателю!

– Сожалею, но пока твоя кандидатура не может быть рассмотрена.

– Это означает: отказ?

– Ты не понял. Пока. Только пока! Мы ещё возьмём своё!

– Я всё понял, Лёня. Даже больше, чем всё.

– На фирме внештатная ситуация! Форс-мажор, можно сказать! – кричал в трубку Лёня, но его однокашник не по-

нимал ни одного слова. Речь бывшего разгильдяя троечника казалась ему набором слов, соответствующих вежливому отказу.

Хлопин отстранил трубку от уха, поболтал телефоном в воздухе. В мобильнике Лёни зафонило, зашипело.

– Извини, Лёня, не могу говорить. Вхожу в зону особого внимания! – Хлопин отключил телефон. Вот так! Доцент чуть было не присел. Коленки его подкосились. Выходит, фикс-раствор выкрала та самая фирма. Автор, понятное дело, больше не нужен.

– «Мавр сделал своё дело», – пробурчал под нос Хлопин.

– «Мавр может идти»? – робко спросил женский голос позади Хлопина.

– Жанна Альбертовна! – Хлопин развёл руками. – Как вы могли подумать, что такую красавицу мне придёт в голову сравнивать с диким варваром?

Доцент покачал головой.

– Я помню, что вы не очень-то уважаете целоваться с пельницей! – сказала осмелевшая красавица.

– Отчего же? – неожиданно для себя развеселился доцент. Он никогда не видел Жанну Альбертовну во взвинченном состоянии. Даже когда её цапнула за палец лабораторная крыса!

– Извините, говорю исключительно, цитируя вас, Александр Юрьевич!

– Воздушные поцелуи столь же чисты, как и целомудрен-

ны! – продолжил мысль Хлопин.

– А воздух завонючен сигаретным выхлопом.

– Жанна, нужно закончить разговор, – доцент взял подчинённую под локоток и провёл обратно в преподавательскую. Молодая женщина не сделала попыток вырваться, но и не висла на мужской руке.

– Мне всё известно! – сказал доцент, усадив женщину на стул.

– К сожалению, больше чем мне хотелось бы.

– Так, говорите же, Жанна!

– Я не выдержала и купила пачку сигарет. Не сомневаюсь, что вам известно, когда и какой марки, – держа руки на коленках, Жанна сжала кулаки, сморщив трикотажные чулки, от чего её ноги стали похожими на слоновьи.

– Вы меня здорово переоцениваете, Жанна Альбертовна! – хохотнул Хлопин. – Мне почти нет дела до того, чем вы травите организм. Сказали бы лучше, кто готовил реактивы для работы студентов!

– Допустим, я.

– Не лгите, дорогая! – Хлопин нахмурил брови.

– Допустим, как всегда.

– Другое дело! – ободряюще поддакнул доцент.

– Семёнова. Но ведь все так делают...

– Мало того, – деланно вздохнул Хлопин, – что вы расшатали каждый сустав ваших пальцев, так принялись за ногти! Ещё их обломаете? И всё из-за какой-то недокуренной сига-

ретки! Ай-ай-ай!

Жанна Альбертовна поднялась на ноги, ноздри её расширились. Ещё секунду: влепит пощёчину непосредственному начальнику и научному руководителю!

– Так кто же готовил реактивы?

– Я контролировала работу Семёновой! – чётко ответила Жанна Альбертовна.

– Присядьте, Жанна! – Хлопин мягко приложил ладонь к плечу ассистентки, усадив её на стул. Она подчинилась.

– Александр Юрьевич, готова понести любое наказание!

– Довольно патетики, Жанна Альбертовна! Вы будете наказаны в плановом порядке. Можете идти к студентам. Гляньте, не взорвали чего?

Жанна Альбертовна, едва не подскакивая, вышла из преподавательской. Зная характер начальника, она поняла – никакого наказания не будет! Как в детстве хотелось подпрыгнуть и хлопнуть в ладоши. У двери учебного кабинета она несколько раз сжала губы, прогоняя дурашливую улыбочку, после чего вошла к галдящим студентам.

– Наталья! Войдите в преподавательскую. Немедленно! – сказал по интеркому доцент, сдерживаясь от крика.

Семёнова отложила производственный журнал, вложив закладку из лакмусовой бумажки. Наталья вынула заколку, ослюнявила её, и вновь вставила в пук волос. В результате лихорадочных манипуляций причёска нисколько не улучшилась. Старшая лаборантка зачем-то отёрла руки о халат как

о передник и выскочила в коридор.

– Наташа! А ведь мы с тобой друзья, почти родня! Сколько «красенького» выпито, сколько высказано!

– В чём я провинилась, Александр Юрьевич?

– Да вы-то? Что вы! Вы, можно сказать, спасаете преподавательский состав от рутины, – Хлопин ухмыльнулся, – но губите их, вынуждая бездельничать!

Семёнова молча, переминалась с ноги на ногу. Она не могла понять, какая муха укусила шефа? Сто лет и три года старшая лаборантка выполняла работу преподавателей, а тут тебе на! Оказывается, криминал!

– Помните, куда ведёт дорога, вымощенная благими намерениями?

Наталья продолжала хлопать глазами, перебирая обшарпанные обшлага халата.

– Прочь лирику! – приказал себе Хлопин. – Наташа, что ты приготовила на первую пару?

– Александр Юрьевич, я всё сделала, как полагается.

– Какие баночки-скляночки?

– Те самые, нужные. Они стояли в сейфе, количеством четыре. На каждой обозначалась сегодняшняя дата, – доложила Наталья. Вдруг шеф вскочил на ноги, едва не опрокинув кресло, выскочил из преподавательской.

Наталья еле успела отскочить в сторону, иначе Хлопин смял бы её по дороге, как танк консервную банку.

– Смирна-а! – прокричал Хлопин, забежав в студенче-

скую лабораторию.

Армейский крик, неуместный в академическом заведении, сработал на все сто. Студенты замерли, не выпуская из рук препараты.

Довольный произведённый эффектом, доцент шумно выдохнул.

– А теперь, други, остороженько поставьте казённое оборудование на стол!

Не понимая, какую хохму удумал Хлопин, студенты повиновались.

Колбин, перестаравшись, очень уж медленно опускал руку. Не донеся пробирку до дна раковины, студент стукнул её о край раковины. Слякка обиженно треснула, хрупкое от длительных перегревов донышко отвалилось. Сероватая суспензия выплеснулась и устремилась к сливному отверстию.

Доцент в два прыжка оказался рядом. Он схватил полотенце и кинул на дно раковины. Хлопину удалось испачкать краешек полотенца серой грязью. Хлопин свернул полотенце и убрал в стерильный бикс.

– Оставим для потомков? – спросил доцент у Колбина.

Мало чего понимающий студент криво улыбнулся.

– Продолжайте занятия! – Хлопин направился к выходу.

Взявшись за ручку, он, замер на месте, обернулся.

– Готовитесь к воинским сборам? – спросил он.

– А як же? – сказал Колбин куда-то в сторону, спрятав-

шись за спины товарищей.

– Тебе-то, старому дембелю, всё нипочём!

Колбин промолчал.

Хлопин незаметно подмигнул молоденькой преподавательнице и удалился.

Хотя бы одна часть сохранилась! Доцент был уверен, что растворы перемешаны. Иначе откуда неприятный серый цвет?

Вспомнив последний телефонный разговор с Лёней, Хлопин поник. К сожалению, и эта часть уже не понадобится.

Зайдя в преподавательскую, доцент не обнаружил там Натальи. Хлопин переоделся и отправился домой.

Глава 4

Сява рвал и метал – Пал Саныч фраернулся. Утоп в болоте на сухом асфальте! Кто ж его, придурка, просил лезть к какому-то дебилу? Сява мысленно матерясь, продолжал напряжённо соображать, что делать и как спасти положение.

Несколько минут назад ему позвонили кенты по крытке и сообщили, что его босс торчит посреди скоростной автомагистрали и что-то маракует возле труповозки.

Сява немедленно послал братву разобраться, что и как. Ни труповозки, ни босса на трассе не оказалось. Мобильник начальника что-то пропиликал мелодией вызова, да заткнулся на полугамме, или полуноте, Сява в этом рубил плоховато. Он позвонил Лёне и сказал, что все дела Вадима Палыча отменяются.

– А я с кем разговариваю? – поинтересовался научный хлыщ.

– С автоответчиком! – рявкнул Сява и отрубил мобильный.

Сява позвонил в ментуру.

– Заяву катать будешь? – ответили ему.

– В падлу, полковник, сам понимаешь, – Сява прижал руку к груди, как будто собеседник мог его видеть.

– И то верно, похищение человека – непосильный геморрой! – согласился полковник. Тут же он расспросил об об-

стоятельствах дела.

– Откуда шла труповозка?

– Я б знал, начальник!

– Ясно. Ни номера, ни владельца...

– Слушай полковник, забашляем по-царски! Найди Палыча, живого или мёртвого!

– Лучше, как понял, первый вариант...

– Подгоню пять... – Сява вздёрнул кверху растопыренную пятерню. – Не, десять висяков за мной!

– Не жаль братву?

– Ничего личного, полковник...

– Ничего лишнего? Ну-ну.

– Пусть будет, как скажешь.

– Что выяснили твои люди? – полковник поморщился так, что это почувствовал собеседник.

– Мои люди только поцеловали грязный асфальт! – разозлился Сява.

– Всё ясно. Жди ответа через...

– Годика два?

– Часика через два! – полковник отключил связь. Он тотчас позвонил в патрульно-постовую службу. Полковнику отзвонились через полчаса.

– Николаич! Труповозка ехала от мединститута к общегородской свалке. Водитель пьяный в дупель, вывалился на дорогу. Потеряшка захватил его под мышки, пытался привести в чувство. Зачем? Хрен его знает, может, знакомый какой.

Полковник слушал молча. Он знал привычку коллеги, задавать вопросы самому себе и тотчас отвечать на них.

– Потом, видно, устал и зачем-то полез в салон «буханки». Там его отключили ударом по затылку. В принципе, всё.

– Так и где этот потеряшка?

– Как где? В обезьяннике! Ни хрена не помнит: кто такой, и что с ним приключилось.

– А где водила?

– В вырезвителе, где ещё?!

– Машина?

– На штраф-стоянке.

– Должен буду, Михалыч!

– Побулькаем!

Полковник удивился: как быстро всё разрешилось. Он приказал ребятам из дежурки привезти в кабинет Вадима Павловича Межуева. От пьяного водителя ничего путного не ожидалось, а вот, машину посмотреть стоило. Что же там такое везли ценного, от чего бьют по черепушке?

Через полчаса в кабинет полковника ввели пострадавшего. Молодой человек был одет по последним гламурным стандартам. Только перевязанная голова указывала на то, что Межуев действительно пострадал.

Говорил он связно и вполне понятно. Впечатления человека невменяемого не производил. Полковник пригнул голову к столу, как гончая, почуявшая верхний след.

– Вадим Павлович! Это как понимать? Вы останавливае-

тесь перед какой-то полуразбитой «буханкой», зачем-то оказываєте помощь пьяному вдрызг водителю, более того, влезаєте в салон! Что вы там позабыли?

Палыч вздрогнул.

– И ещё интереснейший момент – как это к вам чудесным образом возвращается память? И где она шлялась до приезда сюда?

Полковник молча, взял карандаш и принялся точить его армейским штык-ножом от автомата Калашникова. Рубящее лезвие скребнуло по хрупкому карандашу, отломав кончик. Милиционер не поведя бровью, продолжил размеренные движения.

Вадим Павлович онемел. Отвечать ни на один вопрос он не собирался. В то же время понимал, отмолчаться не получится. Требовать адвоката до официального допроса – удел лохов.

Полковник продолжал рушить карандаш. Отломки по полсантиметра, ровнёхонькие, как бритвой срезанные, отлетали на крашек стола.

Полковник подбросил нож в воздухе, перехватил его ладонью. После нехитрой манипуляции, он заточил карандаш размеренными короткими движениями. Без шума и перхоти, что называется.

– Я вас слушаю, – сказал полковник, глядя сквозь пострадавшего.

– В качестве кого я должен отвечать вопросы?

Полковник развёл руками. Мол, понимай, как хочешь.

– Могу я воздержаться от ответов?

– Надо ли напоминать, что в наших кабинетах задают вопросы хозяева?

– Пожалуй, мне нужен адвокат.

– Ох, кому он только не нужен!

– Как? И вам?

– И мне, – полковник тяжело вздохнул, потянулся к кнопке на столе.

– Я отвечу! – Межуев вскочил на ноги. В камеру ему совсем не хотелось. Пока сидел в обезьяннике, многое додумал. Ствол, скорее всего, прихватил кто-то из братвы, у ментов ничего нет. Водила, скорее всего, умер. Сгорел от водки. Так что у ментов ничего нет. А куражится Полкан так, для острастки, чтоб лицо не потерять.

– Слушаю с почтением.

– С почтением отвечаю! – заметив, что никто не одёргивает его, Межуев прошёлся по кабинету. – Машина преградила мне дорогу. Водителю я хотел врезать по рогам, но не успел. Он вытряхнулся из кабины и упал на дорогу.

Полковник ничем не выражал своего отношения к словам Межуева. Он продолжал разглядывать остро заточенный кончик карандаша, как будто шлифовал грифель взглядом.

– Я влез в салон, чтобы посмотреть: нет ли там каких сотоварищей пьяного шофёра. Может, отвезут его до дома. Или что? – Межуев пожал плечами.

Полковник никак не реагировал.

– А потом я получил по затылку. Отключился. Очнулся в отделении милиции.

– Почему не отвечал на вопросы?

– Я уже пояснил вам! – Межуев вздёрнул подбородок.

– Извини, не расслышал.

– Я не понимал, в качестве кого вы меня допрашиваете.

Когда сообразил, что это не допрос, начал говорить.

– Складно излагаете. Только беда, не на тот вопрос! Почему вы имитировали потерю памяти?

– Я ничего не имитировал. Действительно, мозги набекрень. Даже сейчас не могу вспомнить, куда ехал и зачем.

– В какой момент вас ударили по голове?

– Как только пригнулся, чтобы влезть внутрь машины.

– Механизм травмы подтверждает вашу версию, – полковник пожевал губами.

– Я свободен?

– Как и все граждане Российской Федерации!

– Не шутите, полковник?

– Иди, дорогой, иди! – милиционер жестом подтолкнул

Межуева к выходу.

Вадим Павлович, едва сдерживаясь, чтобы не выскочить из кабинета, прошагал до двери. Он обернулся. Полковник сидел, прикрыв веки. Вызывать наряд он явно не собирался.

– А как же... – Вадим хлопнул себя по карманам, – ... пропуск?

– Зачем? Вы не свидетель, не пострадавший...

– И не задержанный?

– Тем паче! Скажешь: «Чаю зашёл попить!»

Вадим Павлович улыбнулся. Проходя мимо окошка дежурной части, он намеревался воспользоваться советом полковника, но никто не обратил на него внимания. Сержанты резались в нарды, густо дымя папиросами.

Межуев вышел на крыльцо, посмотрел на припаркованные автомобили. За исключением задрипанных служебных «уазиков» отечественных машин у отделения милиции не было.

– Сява! Ты где пропал? – спросил вместо приветствия Межуев, позвонив начальнику охраны.

– Это я пропал?! Палыч, я всю мусарню на ноги поднял, все морги объехал, сделки поотменял!

– Да ты с ума сбрендил! Какие сделки отменил? Как мог?

– Да что, – вдруг смутился Сява, – ботанику отказал. Временно!

– Ты что, похоронил меня? – без усмешки спросил Межуев.

– Я ж говорю, временно! Ну, сказал, что у нас есть некоторые сомнения...

– Сява! Ты понял, что сказал?

– Культурно, как полагается, – пояснил Сява. Он как-то слышал, что Межуев сам так говорил по телефону.

– Эх, Сява! Это и называется культурный отказ.

– Ну, уж, разрулишь сам. Я не при делах. Ботаник домогался несколько раз, достал уже! Я и сказал, мол, подумаем ещё. Кстати, ты где сейчас? На каком свете?

– На этом, – сказал Межуев, заходя за угол здания милиции, – присылай тачку к... – он прочёл название улицы и номер дома.

Сява кружил на машине рядом с вотчиной полковника, чтобы быть в курсе поиска пропавшего босса. Через пару минут, едва не задев Межуева, проехал джип, пробороздив клумбу. Выдернутый из земли кирпич упал на асфальт, сбросив с себя комок утоптанной глины. Межуев молча уставился под ноги.

– Палыч! Садись, подвезу! – выкрикнул водитель Сявы из приоткрытой дверцы.

Межуев уселся на заднее сиденье. Первым делом он намеревался устроить грандиозный разнос, но Сява деловитым тоном сбил запал босса.

– Тачка на штрафстоянке, там же и труповозка. Шофёр в трезвяке загорает. Хотел бы я знать, какого хрена тебе понадобилось в машине?

– Вы сговорились?

– С кем?

– С полковником.

– Если может договориться бегемот с крокодилом, то да! – Сява откинулся на спинку кресла и заржал в голос.

– В труповозке, между прочим, стояли контейнеры для

хранения органов для трансплантации! Я попытался открыть ближайший, но получил по башке.

– Шустрее! – прикрикнул Сява, пихнув водителя в плечо. – Ща прикатим на штраф-стоянку и позырим, если менты не ошмонали тачку.

У входных ворот их встретил голый по пояс мужик с татуировкой на груди. Тёмно-зелёный до синевы кентавр целился из лука в подбородок хозяина заточенной стрелой. Бурная рыжая растительность придавала картине реальности.

– Сява! Гадом буду, век воли не видать, никого к «буханке» не подпускал!

– Хорёк! Менты были?

– Пригнал один. Сержант, задроченный какой-то. Видать, с похмелья. Внутри не лазил, сдал машину, взял расписку и укатил на эвакуаторе.

– Тачку опечатали?

– Нормально всё, начальник! – сторож оскалился щербатыми зубами.

– Полкан был? – спросил Сява.

– Давайте пошустрее, а то накаркаешь, Сява! Мне срок тащить за чужие дела ни к чему.

– Шугаешься?

– У кого нынче рыло не в пуху, – пробормотал Хорёк. Похоже, он решил встать на путь исправления.

Мужчины подошли к машине. Рыжий охранник достал шпильку из кармана трико, поколдовал над пломбой.

Не успел Межуев разглядеть, что он там делает, как Хорёк дёрнул за ручку. Дверца, скрипнув, отворилась.

Межуев остался у машины. Влезать внутрь почему-то не хотелось. Он посмотрел на свои носки, белые полосы на сталисто-сером слились с общим фоном, а что до золотистой тонкой ниточки, так, не зная о ней, ни за что не различишь.

– Палыч! – выкрикнул изнутри салона Сява. – Какие они из себя, эти контейнеры?

– Зелёные ящики такие, типа посылочных.

– Нема таких, начальник! – весело доложил Хорёк. Плечи его расправились, словно сбросил груз висящего срока.

Межуев сунул голову внутрь. Возле запыленной скамейки, действительно, никаких контейнеров не было!

– Ладно, закрывайте жмуровоз!

Рыжий охранник возился с замком немного дольше – ломать не строить!

– Вот что, Сява, я ствол на дороге оставил, – сказал Межуев. – По ходу, братва прибрала. Был такой тип, лысый и уса-тый. Их водила. Только он и мог зацепить.

– В кепке?

– Лысый, говорю!

– Не грейся так! Я знаю, кто это. Отыщем ствол, всё нормально.

– Начальник! Тачку забирать будешь?

– Ты с кем сейчас говорил, Хорёк?

– Заплатить придётся, – рыжий почесал затылок, – я бы ничё, да квиток уже оформлен ментами.

– Сколько?

– Семь косарей за час.

Палыч не стал торговаться. Благо, денег у него менты не выгребли. Как хорошо быть трезвым, подумал он, глядя на синее небо.

– Завтра доложишь! – сказал Межуев начальнику охраны, после чего сел в свою машину и уехал.

– Он что, всегда такой запаренный? – спросил сторож.

– Хорёк! Давно запретки не видал?

Хорёк сконфуженно опустил плечи. Кто просил лезть не в свои дела? Сява похлопал его по плечу и, прощаясь, окончательно испортил настроение, пообещав в скором времени найти братану путёвую работёнку.

Глава 5

Дом – работа. Работа – дом! Сутки прочь, жизнь без глотка счастья. Наталья шла, понутив голову. Каждый день одно и то же. Разнообразие, оказывается, отнюдь, не повышает настроения! Вот, сегодня шеф наорал ни за что и ни про что! Да ещё руку испачкала, сколько теперь отмываться? Просила же медсестру обработать рану фурациллином, нет же! Молодушка испортила йодом!

Наталья усмехнулась. Ей ли заботиться о внешности? Давным-давно все кавалеры ангажированы. Разобраны на запчасти и упрятаны в лифчики пронырливых ровесниц. Остались свободными одни пропащие. Если не бомжи, то маргиналы, одной рукой шастающие по мусорным контейнерам!

Она поднималась по грязной лестнице подъезда, вздыхая на каждой площадке. Благодаря квартире на четвёртом этаже, Наталья держалась более-менее в форме. Плюс-минус два килограмма, а всё в том же теле. Хоть в чём-то повезло. Сегодня же, ноги еле плелись, с трудом поднимаясь на очередную ступеньку.

Утешало, что завтра выходные. Цикл: дом-работа-дом, замкнётся накоротке. Дом-дом, и никаких магазинов! Телевизор, ванна, кофе, соответственно.

Дойдя до квартиры, Наталья услышала, как надывается телефон в прихожей. Только этого не хватало до полного сча-

стья!

– Да иду я, иду! – проворчала она, как будто абонент мог слышать.

Как назло ключ не сразу попал в замочную скважину.

А телефон всё трезвонил и трезвонил.

– Да кому там неймётся?

– Наталья, дорогая! Я приглашаю вас на пикник! – раздался голос на всю прихожую.

Наталья вздрогнула. Не отдавая себе отчёта, она, оказывается, нажала на кнопку громкой связи.

– Александр Юрьевич, извините, мне не до шуток.

– Это вы меня извините, Наташа! Вызвал, наорал: в лучших традициях жлоба-начальника!

Наталья устало опустилась на табурет. Похоже, доцент успел где-то принять чего-то более крепенького, нежели «красенького» в буфете. Вот же, мысленно рассуждала Наталья, люди умеют расслабляться после рабочего дня.

Хлопин продолжал развивать идею пикника.

– Понесло Остапа, – пробурчала Наталья, забыв, что её прекрасно слышно на том конце провода.

– Ну, да и ладно, – согласился чему-то Хлопин. – Так вы меня простили?

– С удовольствием, Александр Юрьевич! – Наталья нажала на кнопку отбоя. Посмотрела на себя в зеркало. М-да, волосы не расчёсаны, висят куделей, по краям темени – залысины как у мужика от большого ума. Да полно! Для кого при-

хорашиваться?

Наталья переделалась в халат и села у телевизора, скоротать вечер.

Тем временем Хлопину было не до дешёвого времяпровождения перед мелькающим экраном. Взяв с горя бутылочку армянского коньяка, Александр Юрьевич пришёл к выводу, что поводов для радости у него гораздо больше, нежели для печали.

Вернувшись домой, первым делом доцент извлёк вытяжку из промокшего в растворе полотенца. Занятная получилась смесь! Хлопин задумывал изобрести супер-физраствор, а получил качественно новый продукт. Это было видно, что называется невооружённым глазом. Александр Юрьевич капнул пипеткой на кактус, реактив просочился в него, как в губку!

– Вот тебе и челночный механизм! – Хлопин вспомнил тему сегодняшней лекции.

Нежданно-негаданно синтезирован проводник любого вещества внутрь организма. Это открытие предстояло обдумать. С этой целью Хлопин выпил стопочку коньяку. В голове прояснилось. Доцент убрал колбу с полученным раствором в термостат.

Выпив ещё пару стопок, Александр Юрьевич понял: без женщины ощущение счастья не может быть полным. Женщины не было. Любовница торчала с мужем, жена давно удрала, для невесты Хлопин считал себя слишком старым.

По паспорту ещё о-го-го, а с виду в двух шагах до гроба. Но и такой сойдёт одинокой женщине. Примерно как... Наталья Семёнове!

Доцент тотчас позвонил старшей лаборантке. Он заливался соловьём, стараясь наговорить Наталье побольше комплиментов. Казалось, ей, изголодавшейся по мужской ласке, хватит шевельнуть мизинцем левой ноги! Но не тут-то было. Хлопин едва не сорвался, но, посмотрев на свою доброжелательную физиономию в зеркало, согласился с Натальей, что пора заканчивать бестолковый разговор.

Доцент надел кожаный плащ и вышел из квартиры. Не смотря на то, что дома стояла ещё одна бутылочка коньяка, захотелось чего-нибудь послабее и поменьше. Пивка, например. В ближайшем супермаркете стояло чешское – равное по цене хорошей водке. Его-то как раз и не хватало. Посидеть, потянуть, сдувая пену, да заснуть в блаженстве.

Кассирша подмигнула пьяненькому мужчине в шёлковом синем галстуке на бежевой рубашке. Он распахнул кожаный френч и сунул руку во внутренний карман за кошельком. Вместо портмоне у него оказалась записная книжка, в которой вложена измызганная сотка! Губы кассирши изобразили перевёрнутую лодочку. Проведя прибором по бутылке, она привстала, метнув взгляд на охранника. Предвиделись осложнения.

Мужчина улыбнулся.

– Сколь... – он мотнул головой, – не хватает?

– Двенадцать рублей! – отрапортовала девушка, не отводя глаз от охранника.

Мужчина в камуфляжном костюме продолжал стоять, уперев руки в бока. Осложнений с интеллигенцией, даже изрядно поддатой, не хотелось. Напарник как-то выставил похожего чудака, порвав ему ворот. За это пьяный интеллигент закатил гражданский иск от самого Армани! Хотя этот одет скромнее, зато рожа культурнее.

– Ми-нуточку! – Хлопин порылся в кармане плаща, вынул горсть мелочи и поднёс к прилавку. Его пошатнуло, рука дёрнулась, мелочь со страшным звоном посыпалась на кафельный пол.

Хлопин махнул рукой, подхватив бутылку пива, двинул к выходу.

Охранник отвёл от него честные глаза.

На крыльце магазина Хлопин остановился. Яркие звёзды перемигивались с фонарями, мельтешащие огни неоновых рекламных щиты плясали, как цветомузыка. В голове закружилось как у ботаника, сделавшего пару кувырков по полу спортзала. Необходимо добавить горячего, решил Хлопин. Он попытался открыть бутылку об металлические перила. Мешала обёртка из фольги, горлышко бутылки соскользнуло, Хлопин едва не уронил пиво под ноги.

– Трубы горят, Земеля?

Хлопин обернулся и увидел перед собой мужичка. Неожиданно для хриплого, явно испитого голоса, незнако-

мец был одет во вполне приличный плащ, на ногах у него были надеты лаковые штиблеты устаревшей модели. На голове красовалась широкополая шляпа.

– Трубы зовут! – сказал Хлопин.

– Эту лабуду о поребрик не откроешь.

Хлопин пожал плечами. Удивляясь самому себе, он почему-то понял каждое слово. Жест доцента можно было трактовать вопросом: а что тогда делать?

– Позвольте? – незнакомец протянул руку.

Хлопин отдал бутылку. Не успел он и духа перевести, как мужик отодрал ногтём фольгу, сунул горлышко бутылки в рот, чакнул зубами и отдёрнул руку от лица. Обильная пена перегревшегося на витрине пива ползла и ползла по бутылке, капая на землю драгоценной влагой. Мужчина отвернулся, держа бутылку перед собой. Исподтишка он слизывал пену, не давая пропасть добру.

Хлопин тронул за плечо незнакомца. Тот вздрогнул, но губ от бутылки не оторвал.

– Трубы горят, точно! – пьяно хихикнул доцент.

– Четверть бутылки ушла в землю! – сокрушался мужик.

– Тебя как зовут?

– Сидор, а тебя?

– Хлопин.

– Это всё?

– Как и Сидор.

– Слушай, Сидор, составишь мне компанию?

– Какая тут компания? – мужик тряхнул полупустой бутылкой.

Пиво возмущённо выплюнуло порцию пены.

– Какую только дрянь нам не продадут! Ну, Хлопин, байвай! – Сидор протянул руку.

Хлопин ухватился за его ладонь, удерживая равновесие.

– Э-э, да ты уж готов. Где живёшь-то?

– Рядом! – к Хлопину вернулось игривое настроение. – Рядом, радость и беда!!!

– Дома уж споёшь, – пробурчал Сидор, озираясь по сторонам.

Александр Юрьевич завёл гостя в квартиру, пошатываясь, вынул бутылку коньяка. Сидор сидел на кухне у окна, разглядывая узор клеёнки на столе.

– Не печалься! – сказал Хлопин. – Если не брезгуешь запаха клопов, выпьем?

Сидор не брезговал. Выпили. Повторили и продолжили.

Поутру Хлопин очнулся в собственной кровати, в полном обмундировании, включая кожаный френч. К счастью, разулся. И то хорошо. Надо же было так накачаться!

Что было вчера? Оставалось только догадываться. Встать жуть как не хотелось. Хлопин надавил на кнопку подсветки наручных часов: пять утра! Самое плохое, что и раздеваться тоже не хотелось. Он повернулся на спину и начал думать. Вспоминания приходили отрывисто. Институт, лекция, разборки в лаборатории и почему-то женский запах. Ни

духов, ни косметических средств, а именно женщины в её первобытном состоянии. Хлопин усмехнулся, желудок ото-звался резыю. Вспомнилась Наталья из лаборатории. Неужели? Что-то такое было, разговоры, но пошло ли дальше? Если да, то как честный человек Хлопин должен будет уволить старшую лаборантку! Не хотелось бы совершать подлых поступков, более чем совершил в невменяемом состоянии. Давно же так не пил, со времён студенчества! И главным со-бутыльником на обмывке диплома был тот же незабвенный Лёня. После того случая, когда с трудом избежали ночёвки в вытрезвителе, Хлопин прекратил употреблять по-студен-чески. Вечеринка, сто пятьдесят граммов и вдогонку – пару таблеток аспирина, чтобы с утра не болела голова. Что же вынудило так налакаться?

Да! Хлопин подскочил в кровати. Ведь ему удалось вче-ра получить нечто! Жидкость, свободно проходящую сквозь живую материю. Это гораздо лучше, чем задумывалось. До-цент слез с кровати, упав на колени. Затем Хлопин опёрся на край кровати и поднялся на ноги. Пошатываясь без хмеля, доцент прошлёпал босыми ногами в коридор. Здесь у него стояла массивная под старину прихожая. Чтобы не наткнуться на шкаф, Хлопин включил свет. На вешалке его ждал сюр-приз. Холодный пот пробил каждую пору, кожа вспузыри-лась как у гусёнка после ошипа.

Действительно, женщина! Ею и пахло, причём, на всю квартиру. И запах шёл от кашемирового плаща, повисшего

на крючке для шляп.

Хлопин с ужасом посмотрел в тёмный зал. Она там. Нет, это не Наталья! Это намного серьёзнее. Наверняка, жена какого-нибудь бизнесмена или бандита. Впрочем, разница между ними невелика. Как и почему эта женщина здесь? В отдельной комнате!

Доцент решил не торопиться, обдумать свои действия. Он повернулся спиной к двери зала, чтобы прошагать на кухню. И вновь сделал открытие, потрянувшее его градом пота. На телефонной полочке лежала шляпа – вполне мужская, с широкими полями. Вот-те, раз! Выходит, эта женщина забрела в квартиру с мужем. Или заблудились, или сам их пригласил. В любом случае, безобразие продолжалось.

Хлопин на цыпочках прокрался в собственную кухню. К удивлению, на столе ни крошки, ни стакана с недопитым. Солонка, заварник и сахарница. Грязная посуда аккуратно складирована в раковину. Вилки-ложки отдельно, тарелки отдельно. Стопочки, отмытые до блеска, стояли вверх дном на подоконнике.

Александр Юрьевич вздохнул, включил электрочайник. Вряд ли кофе поможет, но от чего бы ни попробовать?

В голове застучал пульс. Мерный грохот мало-помалу разгонял туман. С каждым ударом прояснялось по эпизоду вчерашнего вечера. Разговор с Натальей, похоже, телефонный. Уже хорошо. Никаких уличных хулиганов и их оппонентов в виде стражей порядка. Здоровый детина в камуфляжной

форме, пиво в супермаркете... Во дворе луна, яркие звёзды и снова пиво. Пенистое, тёплое, противное. Почему пиво? Хлопин этого понять не мог, объяснить – тем паче. А уж откуда у него в квартире парочка – без понятия. Либо познакомился где, либо зашли в открытую дверь.

– Чушь! – сказал он вслух, испугавшись собственного голоса. Хлопин поднялся на ноги, хлопнул себя по коленям. Чего бояться в собственной квартире, уж на этот счёт у Хлопина сомнений не было.

Он отключил в прихожей тусклое бра и врубил общий свет. Хлопин вошёл в комнату, щёлкнул выключателем. Так и есть! Вот они, родные, под одеялом!

Никто не шевельнулся. Мёртвые что ли? Коленки Хлопина затряслись. Он пробежал к входной двери, проверил. Закрыто на ночь. Причём защёлка фиксатора на замке утоплена. А сделать это мог только хозяин, Хлопин всё никак не мог вызвать мастера, чтобы привести замок в порядок. Заедала кнопка-фиксатор. Нужно было сначала слегка вдавить её, затем, вынимая, пошатать вправо-влево и на противоходе сильно вдавить внутрь. После скрежещущего щелчка, замок клинил намертво. Только после замысловатых действий в обратной последовательности можно было выйти из квартиры. Защёлкой Хлопин пользовался редко, по выходным дням, когда утром не нужно, сломя голову, выскакивать из квартиры.

Итак, что имеется? Доцент присел на пуфик у двери. Два

незванных гостя, или нет: один гость с женщиной. Две подушки и одинокий силуэт под одеялом. Неужели они и спят так, друг на дружке? Похмельный хохоток вырвался у Хлопина. Он машинально поднёс ладонь ко рту, но резко откинул руку. В самом деле, кто к кому забурился?

– Пора и честь знать! – громко сказал Хлопин, возвратившись в зал.

Тишина.

Хлопин разозлился. Отбросив все приличия, он потянул одеяло. На стыке двух подушек лежала плешивая голова с усами и недельной щетиной. Продолжая действовать решительно, Хлопин стянул одеяло до пояса. Открылась волосатая грудь и живот раздутым шариком.

Никакой женщины не было!

– Ты что сделал с нею? – спросил Хлопин, поглядев на часы. Надо же, половина седьмого. Столько времени ушло на бесплодные мудрствования. Нужно было сразу войти и проверить своих «гостей»!

Мужчина всхрапнул.

От сердца отлегло. Живой! Но где эта женщина, где эта мускусная самка? Двери балкона закрыты наглухо. Там складировались когда-то нужные и необходимые вещи так, что трезвому можно переломать обе ноги.

– Где баба твоя? – потеряв терпение, Хлопин толкнул мужика в плечо.

Спящий шевельнулся, сделал попытку повернуться ли-

цом к стене, от чего показал грязную простынь после контакта с его телом. Хлопин переморщился. Бомж!

– Откуда ты появился, кто ты?

– Много вопросов, – пробурчал мужик, протирая глаза.

Хлопин заметил, что на руках, впрочем, как и на теле, ни одной наколки. Похоже, бомж недавний, но, судя по асцитичному животу, здорово спившийся.

– Так отвечай по одному, чтоб не спутаться!

– Хлопин! Не наезжай! Мы вчера побратались, забыл?

– Слушай, братан, где баба?

– Ты что?! – гость резко сел. – Ничего не помнишь?

Ноги Хлопина подкосились, он плюхнулся на край дивана.

– Наталью мы это... – мужик щёлкнул пальцами, – по очереди оприходовали и того...

– Чего, того!!!

– Растворили в твоём суперрастворе и спустили в канализацию!

– Да ты что?! – Хлопин рванулся к подоконнику. Термостат стоял на месте. Только вот, зажимы были раскрыты! Александр Юрьевич откинул крышку и облился потом до колен – колбы с вытяжкой не было!

– Не пугайся так, Хлопин, – утешающее сказал ночной гость. – Никто нас не видел, не знает...

– Да ты хоть понимаешь, что произошло?!

– Будь спок! – бомж хлопнул по плечу доцента. – Я моги-

ла!

– Где вытяжка? – Хлопин стоял босым посередине комнаты, в кожаном френче, часто моргая.

– Дрянь я бы сказал, ещё та!

– Это ты о ком?

– Настойка твоя, Хлопин!

– Так что мы с нею сделали?

– С Натальей?

– Тьфу ты! С вытяжкой!

– Хлопин, ты бы вспомнил...

– Ничего не получается! – Хлопин упал в кресло, обхватил голову руками.

– Хотя бы, как меня зовут! Ведь с незнакомыми бомжами не братаются, не так ли, доцент Хлопин?

– Сидор! – выкрикнул Хлопин, всплывшее в голове имя.

– Вот, другое дело! – ободряюще сказал бомж. – А то ты да ты, я ж не Иван Кузьмич, что ты мне тычь!

– Сидор, ты чего такой радостный? Человека убили, изнасиловали, вытяжку вылили в унитаз!

– Оposля в рояль насрали, чудно время провели!

– Сидор! Я сейчас звоню в милицию!

– Для чего? – встрепенулся Сидор, прыгая в одной штанине. Джинсы его были почти новыми, только на одной коленке темнело жирное пятно. Наверняка, выбросили на помойку в элитном районе.

– Сдам тебя властям. За нарушение неприкосновенности

жилица и убийство твоей подруги!

– Перестань, Александр Юрьевич! Я пошутил. Пошутил!!! Всё в порядке. Пили вдвоём, много болтали, ничего больше!

– Так, а это... – Хлопин повернул голову в сторону прихожей. В следующий момент он всё понял. Кашемировый плащ бомж нашёл на той же помойке, где подобрал джинсы.

– Я пошутил, прости меня, дурака! Пока ты отключился, я немного похозяйничал у тебя.

– Заметил, – отмахнулся Хлопин, вспомнив о посуде в раковине.

– Не осуждаешь?

– Шёл бы ты домой.

– А ты посмотри на часы, доцент! Уже люди встали. Ненароком увидят меня, выходящего из твоей квартиры, грязного и оборванного. Что тогда? Почистище будет, чем я наплёл похмельную байку!

– М-да.

– Да ты не бери в голову, Александр Юрьевич! Как стемнеет, выставишь меня в шею. Ни одна душа не узнает о твоём знакомстве с человеком из подворотни!

– Слушай, Сидор, ты кем был в прошлой жизни? Что-то ясно выражаешься, складненько так. Не писателем?

– Ха-к-ха! – закашлялся в смехе Сидор. – Будь я писателем, или поэтом, никто не осудил бы за пьянство. Я всего лишь скромный учитель словесности.

– И сейчас?

– Ты про прошлую жизнь спрашивал, – Сидор скрестил руки на груди и надул губы.

– Так, что ты ещё натворил, пока я спал? Куда дел вытяжку?

– Я же сказал, что дрянь твоя вытяжка! А так рекламировал, так пиарил!

– Выпил?

– Ну да. А градусов ноль по Фаренгейту!

– То есть, отрезвел разом? – глаза Хлопина загорелись.

– Не то чтобы очень, но уснул, как младенец.

– И всё же зря ты выпил реактив, как бы я его не хвалил.

– И я того же мнения, – вздохнул Сидор, опустившись на край дивана. На его лбу появились крупные капли пота. – Но извини, хозяин, парфюмерии путней я не обнаружил.

– Так ты и сейчас желаешь ещё чего-то выпить?

– Да, – вздохнул, сокрушаясь, Сидор.

– Есть столичная водка из старых запасов, – развёл руками Хлопин.

– Всё лучше, чем «Кинзо».

– Наливать? Или перетерпишь до обеда?

– Не-е! Я, хозяин, с места ни шагу без горячего. Извини.

Хлопин подкатил к дивану журнальный столик, достал вымытые гостем рюмки. В холодильнике нашлась банка шпрот, в хлебнице почему-то три буханки и батон! Александр Юрьевич порезал батон тонкими ломтиками, подал

к столу. За это время гость хапнул рюмашку и налил следующую.

– Ты, наверное, не будешь? – робко спросил он, указывая взглядом на пакет сока.

Хлопин кивнул. Иногда и бомж подаёт умные мысли. Александр Юрьевич плеснул себе апельсинового сока, чокнулся с гостем и залпом опустошил рюмку.

– Хорошо? – спросил Сидор, морщась после выпитой водки.

– Ещё бы! – Хлопин прошёл к шкафу, вынул пару таблеток аспирина, вкинул их в рот и запил соком.

– Вот так наша профессура спасается от похмелья, – заметил Сидор, наливая водку в свою стопку.

Доцент промолчал. Говорят же, не было печали! Угрозило же приютить бомжа, который возьми да и выпей изобретение жизни. И прав же, на все сто! Выпустить его можно только ночью.

– Ладно, Сидор, ты попируй тут, а я прилягу! – Хлопин вышел из комнаты. Доцент был уверен, что Сидор ещё выпьет рюмку, максимум две, да отключится. Хлопин ушёл в ванную, встал под душ.

Сидор полагал, что этой литрухи ему хватит не на одни сутки. А что? Хозяин наверняка отдаст початую бутылку, иначе какой он интеллигент. Ещё стопка-другая, и потянет в сон. Счастливо улыбаясь, Сидор потянул водку, как пиво.

– Жизнь хороша, у-у-у! – сказал он, тряхнув плечами. За-

хотелось есть. Сидор ткнул вилочкой подкопченную рыбёшку, досталась с икрой, от чего ощущение счастья переполнило организм. Шумела вода в ванной, молчал покрытый пылью экран телевизора, в котором отражался гость с блаженной улыбочкой. Незаметно для себя Сидор обнаружил, что консервная баночка пуста. Он стал закусывать хлебом, макая в консервную банку. Рыбий жир, читал он когда-то, помогает расти молодому организму. Сидор хихикнул глупой мысли и вновь налил стопку. Чокнувшись с бутылкой, опорожнил.

То ли водка оказалась качественной, то ли с закуской перебрал, но гость по-прежнему оставался в здравом уме. Мало того, что ни в одном глазу, так ещё хотелось кушать. А хозяин не спешил выходить из ванной. Сидор, решив извиниться после, прошёл на кухню. Холодильник продемонстрировал ему рацион закоренелого холостяка. Два яйца на завтрак, маслénка с лопнутой крышкой и размазанным по дну маслом, всё. Верёвочки, на которой может повеситься голодная мышь, и той нет!

Сидор проткнул яйцо кончиком ножа с обеих сторон, одним вдохом опорожнил. Гость взял полбатона и вернулся к столу. Кивая собственному отражению, Сидор продолжал чокаться с бутылкой и блаженно препроводить время, ожидая неизбежной отключки.

Александр Юрьевич отёрся махровым полотенцем до красноты, оделся в халат. Чувствуя себя значительно легче, доцент решил заварить нормального кофе. Самый ответ-

ственный момент Хлопин прозевал, кофе сбежало на газовую плиту. И всё потому, что за спиной услышал крадущиеся шаги. Обернувшись, доцент не поверил своим глазам. В глазах ночного гостя не было намёка на вчерашнюю пьянку и сегодняшнюю опохмелку.

– Что?

– Александр Юрьевич, я не хочу тебя стеснять...

– Мы же договорились, что уйдёшь ночью!

– Я не о том. Хлебушка бы.

– Выбери! – Хлопин открыл крышку хлебницы.

Сидор взял буханку, поклонился и вышел. Не хотелось говорить с хозяином, хотя в голове было много мыслей: нужных и важных. Но все они не для ушей трезвого человека.

Выпив кофе, Хлопин решил почитать книжку, лёжа в кровати. Подойдя к книжной полке, он посмотрел на диван. Гость сидел себе на краю дивана и жевал хлеб. В бутылке оставалось около четверти!

– Не пьянеешь?

– И не насыщаюсь. Сам не знаю, впервые со мной такое.

Хлопин покачал головой. Мол, всё когда-то бывает впервые.

– Александр Юрьевич, убрал бы ты бутылку, а?

Хлопин пожал плечами, закрутил пробку и унёс водку из комнаты. Возвращаясь, он чуть было не столкнулся с несущимся во весь опор гостем. Сидор, не извинившись, влетел в туалет и захлопнул дверь.

Хлопин пожал плечами и завалился в кровать с раскрытой книгой. Он включил телевизор без звука, чтобы не мешал чтению. Сквозь непроизвольно закрывающиеся веки Хлопин смотрел на печатные строчки. Теряя нить повествования, он возвращался назад на страницу и снова читал.

Настенные часы отбили полдень. Хлопин дёрнулся, раскрыл глаза. По-прежнему без звука молотил телевизор. Что-то бурно обсуждали депутаты, ёрничал корреспондент, царапая микрофон свежеотрошенной бородкой. В туалете горел свет.

– Сидор!

Никто не отозвался.

Хлопин встал с кровати. Куда делся ночной «братец»? Выйти из квартиры он не мог. Доцент заглянул в зал. Никого. На всякий случай Хлопин проверил замок. Защёлка-фиксатор оставалась вдавленной внутрь.

– Сидор! Ты что, канат проглотил?! – Хлопин дёрнул за ручку, дверь в туалет была закрыта. Бывает, алкоголики запираются и...

– Типа того, – ответил Сидор вымученным голосом.

– Заснул?

– Лучше б заснул. Сейчас-сейчас освобожу плацкарту!

Хлопин в плацкарте не нуждался. Он вернулся в спальню, завалился на кровать. Читая о том, как герои обедают в ресторане, Хлопин решил, что неплохо бы сходить в кафе, заморить червячка. Как только быть с Сидором? Можно ли

оставить его одного в квартире? Хлопин прошёлся по комнатам. На первый взгляд ничего не тронут. Даже на стеклянной полке с «никудашным парфюмом» равномерный слой пыли.

– Сидор! Ты снова уснул? – Хлопин дёрнул за ручку.

– Нет. Скоро уже освобожу. Приношу самые искренние извинения!

– Принимаются. Вот что, ты сходи в душ. Или прими ванну. А я схожу до магазина, – сказал Хлопин. Подумав, добавил: – Тебе что принести?

Сидор с шумом выдохнул.

– Водки, коньяку, виски?

Молчание. Оскорблённое молчание.

– Пивка? – продолжал Хлопин.

– Н-ничего, только хлеба!

– Хозяин-барин, – пробурчал Хлопин и хлопнул дверью.

Выходя из подъезда, Хлопин поздоровался с бабульками, сплетняющими на лавочке. Они торопливо ответили, не глядя на соседа. Хлопин сделал вывод, что во дворе он пьяным не шатался. Спасибо Сидору, брату названному! Доцент чуть было не сплюнул, но сдержался. В супермаркете на него также никто не обращал никакого внимания. Пришёл себе человек за продуктами, пусть набирает да топает своей дорогой.

Хлопин положил в корзинку пару банок тушёнки, копчёную салаку, подумал: – «Чем ещё питаются люди, живущие

в подворотне»? Улыбнулся своему изображению в мониторе. Как же они питаются, да как и всякие холостяки! Он взял пару батонов хлеба, десяток яиц и длинную палку колбасы «салями». Возле кассы Хлопин зацепил бутылку водки и пучок зелени. Вздыхая, доцент поплёлся домой.

Ничего за его отсутствие не произошло. Сидор продолжал занимать отхожее место.

– Опять заснул?! – Хлопин ткнул дверь.

– Скоро, теперь уже скоро.

– Если тебе плохо, выходи! – посоветовал доцент. – Окажу первую помощь.

Сидор шумно вздохнул. Хлопин махнул рукой и прошёл на кухню, готовить поздний завтрак, точнее, второй обед. Доцент решил вымыть посуду. Раковина оказалась пустой!

– Так ты выходил, получается?

– И снова вышел.

Хлопин оглянулся. Перед ним стоял не вчерашний гость, а какой-то другой человек. Щетина на лице Сидора увеличилась раза в три! Другой бы удивился, Хлопин понял, причиной тому – обезвоживание. Хозяин посмотрел на живот Сидора. Мяч сдулся и распластался над позвоночником.

– Так не бывает! – вырвалось у доцента.

– Вы алхимики и не такую дрянь синтезируете, – пробурчал под нос Сидор.

– Думаешь?

– Уверен на все сто! Литр водки вылакал уж, ни в одном

глазу в итоге, раз! – Сидор загнул палец. – На горшке просидел три часа, думал, все кишки наружу выйдут, два!

– Выпил ценный для науки препарат, три! – вспыхнул доцент.

– Александр Юрьевич, тебе этот раствор получить, как два пальца об асфальт! А у меня жизнь, можно сказать, на смарку. Да и жрать хочется так, будто за все три года бомжевания нужда добрать положенный вес.

– Кушай на здоровье! – Хлопин пододвинул широкую тарелку на противоположный край стола.

Сидор прошёлся к раковине, принялся мыть руки.

– И пей, пока не дойдёшь до состояния своего...

– Скотского?

– Не ёрничал б ты, Сидор! – сказал Хлопин подняв кверху указательный палец.

– Молчу! – с полным ртом ответил Сидор.

Хлопин налил полную кружку водки, подвинул гостю.

Как компотом гость запил, не поморщившись.

Хлопин сидел напротив, сложив руки. Аппетит у него пропал. Гость продолжал опустошать щедрый хозяйский стол так, что после второй кружки водки остались пустые тарелки.

Сидор виновато улыбнулся.

– Ещё?

– Пожалуй, только хлеба. Никогда не думал, что батон может быть настолько сладким.

Хлопин покачал головой. Он заставил себя съесть бутерброд, нетронутый Сидором. Запил чаем и, потеряв терпение, раскланялся. Доцент упал на кровать, взял книжку, но воспринимать текста не мог. В голове бурлило. С одной стороны, в собственном доме живой контейнер неведомого науки химического вещества. С другой, рано или поздно, Сидор вернётся в прежнее состояние. Период полураспада каждого компонента не более 74 часов. Но каждого по отдельности. Кто знает, что сотворили студенты, в каких пропорциях смешали важные компоненты? Всего из четырёх аминокислотных остатков складывается генетический код ДНК – а даёт какое разнообразие видов организмов на нашей земле?

Хлопин подскочил, озарённый идеей.

– Слушай, Сидор! – выкрикнул он, забежав на кухню.

– Чего? – гость даже не оторвал головы от тарелки. Он кушал рыбу и старался не пачкать стол.

– Собери для меня анализы!

– К-ха! К-ха! – изо рта смеющегося Сидора вылетели крошки, успевшие слепиться клейкой слюной из-за копчёной рыбы.

– Вот, тара! – Хлопин вынул два пузырька из кухонного шкафа.

– Приходи вчера, Александр Юрьевич!

Хлопин посмотрел в глаза гостю. Никакого пьяного блеска, как чаёк попивает водочку!

– Извини, зарываюсь. Но, в самом деле, ничего во мне

уже нет.

– Собери, что есть.

– Если таким образом послужу науке...

– Сидор, тебе бы надо думать, как послужить мне.

– Прости, хозяин, зарвался. Сказывается бичёвская жизнь. В другой жизни я пообещал бы расплатиться за все эти блага, – Сидор обвёл рукой стол, – но да ладно! Отработаю.

Хлопин стоял, сложив руки на груди и скрестив ноги. Затылком он потирал дверной косяк.

– Сдам я тебе мочу и кал! Хочешь, крови возьми пол-литра!

– Это мысль, это мысль! – Хлопин почесал за ухом.

– Ну вот, видишь, – попытался улыбнуться Сидор. Но рот его был вновь переполнен, от чего губы не могли полноценно растянуться. Вместо открытой улыбки получилась мятая гармошка.

Но Хлопин уже бежал к телефону.

– Наталья! Вы дома?

– Да, Александр Юрьевич.

– Извини за вчерашнюю пьяную выходку!

– О чём вы, Александр Юрьевич? – продолжала Наталья бесстрастным голосом. Хлопин смутился, старшей лаборантке пришлось продолжать разговор самой: – Вы позвонили, наговорили кучу комплиментов, а я должна извиняться за это?

Хлопин воочию увидел Наталью, пожимающую плечами.

– Вы не могли бы мне оказать небольшую услугу?

– С удовольствием, Александр Юрьевич!

Наталья присела, делая книксен.

– В научных целях мне нужны... – Хлопин назвал предметы из лаборатории.

– Всё будет готово к первой паре!

– Наталья, просьба личного характера. Это нужно мне сейчас!

– Так вы звоните из лаборатории?

Хлопин еле сдержался от смеха. Наталья сообразила, что сморозила глупость.

– Вам привезти всё это домой?

– Да, Наташа, да! И захватите, пожалуйста, шприц «двадцатку».

– Будет сделано, Александр Юрьевич!

– Заранее благодарю.

– Благодарность не булькает! – сорвалось с губ Натальи.

Она сжала зубы и покраснела.

– Будет красненькое и десертное, на ваш выбор!

Наталья положила трубку, чтобы не ляпнуть ничего лишнего. Она выключила телевизор на самом интересном месте сериала, не до него сейчас. Наталья извлекла из комода косметичку, подвела нещипанные несколько лет брови, взяла коробочку с тенями. Внутри оказалась не лёгкая пыльца, а затвердевшая, растрескавшаяся земля. Наталья отбросила те-

ни прочь. К счастью, помада у неё была только одна, потому сборы заняли не больше десяти минут. Надев выходное платье, Наталья выскочила из квартиры. Благо институт был недалеко от дома, такси она заказала уже после того, как вышла из лаборатории.

– В аптеку! – сказала она водителю.

– Какую?

– Первую попавшуюся!

Шофёр пожал плечами.

– Они работают без выходных!

– Понимаю, но по пути ли будет? Или тебя только до аптеки?

Наталья поняла, что говорит глупости. Наталья назвала домашний адрес доцента, известный всем сотрудникам кафедры.

Шофёр через два квартала тормознул возле аптеки.

– Я мигом!

– А...

– Сумочку оставляю под залог!

Шофёр вновь пожал плечами.

Через несколько минут принаряженная женщина вернулась. В руках она держала одноразовый шприц в упаковке. Водитель дёрнул головой. Видеть наркоманку в таком возрасте, столь прекрасно сохранившуюся, ему не доводилось.

– Поехали?

Такси дёрнулось. Словно проглотив язык, шофёр не от-

крывал рта до конца пути.

– Удачной охоты, красавица! – сказал он, трогаясь с места.

– Мы с тобой не одной крови! – выкрикнула Наталья вслед убегающему такси.

Нашёл, красавицу! Откуда этот бомбила? Да у них в Тамбове, пожалуй, любая дворняга за красавицу идёт. Среди волков-то!

Наталья перевела дух у квартиры доцента. Не хватало ещё выглядеть запыхавшейся. Ещё подумает, по первому зову, как собачка прибежала!

– Секундочку, Наташа! – тотчас отозвался на звонок Хлопин. Будто бы стоял у дверей, карауля.

Наталья вынула из сумочки зеркальце, поправила чёлочку. Тотчас отёрнула руку. Ощущение мягких густых волос отбросило её лет на пятнадцать назад. Но некогда было задумываться над дурацкими чувствами, нужно было выполнять свою работу. Просьба начальства, тем более, «личного плана» обязательна к выполнению! Это не приказ, который можно обойти или забыть, «закрутившись, замотавшись».

Дверь распахнулась, на пороге стоял Хлопин с разинутым ртом.

– Вы мне сказали, что женское платье мне больше к лицу, – дрожащим голосом сказала Наталья, протягивая пакет.

– Входите, Наташа! Через порог не передают. Примета плохая.

– Извините, Александр Юрьевич, но меня ждут...

– Дело жизни и смерти, Наталья! Отзвонитесь, прошу вас, пусть подождут ещё, – Хлопин посмотрел на часы, – минут двадцать.

Наталья пожала плечами, от чего широкое декольте платья приподнялось. Велюровая ткань зацепилась за перемычку бюстгалтера, не собираясь возвращаться в исходное положение. Наталья прижала руку к груди, стесняясь поправляться при начальнике.

Хлопин, не обращая внимания на лаборантку, изучал содержимое пакета. Молодец, Наталья! Схватывает на лету. А он ещё считал старшую лаборантку заторможенной. Хлопин, укоряя себя, покачал головой.

– Что-то не так, Александр Юрьевич?

– Всё замечательно! – Хлопин улыбнулся. – У меня тут необычный пациент. Наталья, помнится, вы подрабатывали медицинской сестрой?

– По уходу за больными.

Руки Хлопина опустились. Он-то рассчитывал на Наталью.

– Какие-то трудности?

– Небывалые проблемы, Наталья! Нужно взять анализ крови из вены.

– У вашего необычного пациента? – голос Натальи наконец окреп. Пока доцент изучал содержимое пакета, лаборантка успела поправить платье.

– Да у меня вен-то никаких нет! – раздался голос из туа-

лета.

– Сидор! Ты учил детей, что неприлично разговаривать через закрытую дверь?

– А я уже открываюсь.

– Знакомься, Наташа! Это мой «братец» Сидор!

– Наталья. Позвольте вас спросить, это настоящее имя?

– Теперь – да.

– Вам нужно взять кровь?

– Мне нужно сдать кровь, – поправил Сидор.

– На алкоголь?

– Можно и так сказать, – Сидор не договорил, Хлопин легонько подтолкнул его в сторону кухни.

– Берите, что делать?

– Дело в том, – прошипел ему на ухо Хлопин, – что никто не умеет.

– Так и я, извини, не наркоман.

– А что если вызвать диспетчера «скорой»?

– Наталья! Не стыдно будет? Два научных сотрудника вызывают рядового фельдшера для забора крови!

– Я отожмусь от пола, раз пять, вены всплывут! – подал голос Сидор.

– Спасибо, утешил.

– Ой-ой-ой!!! – Сидор аж подпрыгнул.

– Что там ещё?

– Сам смотри!

Наталья подошла ближе. Рука Сидора была похожа на ис-

сушенный, а затем закачанный формалином муляж анатомички. Отчётливо видно каждую мышцу, а их, штук десять локтевых, как помнила Наталья. Вены, как шнурки в ботинках, где под кожей идут, где ныряют чуточку глубже, затем уходят под бицепс.

– В такую и младенец не промажет! – Хлопин прикоснулся к плечу сотрудницы. Старшая лаборантка замерла.

– Так колите живее, выпить надо!

Хлопин подмигнул Наталье.

– Александр Юрьевич, я ведь не взяла спирт!

– Ничего, обрабатываем сорокаградусным раствором, – успокоил доцент.

Наталья попала в вену безо всякого труда. Несмотря на дрожащие руки, она чётко ощутила первый прокол кожи, затем вены. В шприц пошла самотёком багрово-красная кровь.

Хлопин набрал крови в пробирку. Затем наполнил вторую.

Сидор, раскрыв рот, наблюдал за действиями Хлопина. Когда тот набрал третий пузырёк, Сидор чуть не заплакал.

– Не жалея дурной крови!

– А сколько у нормального человека крови?

– У нормального – литра три, – сказал Хлопин, сливая содержимое трёх пробирок в реторту с плотно притёртой пробкой.

– А у алкоголика?

– У тебя что ли?

– Ну.

– Восемьсот грамм, – пояснил Хлопин.

Брови Сидора взлетели кверху.

– Остальное – водка и ацетальдегиды!

– Какой только хрени внутри организма не бывает! – Сидор налил полкружки водки, залил себе в глотку.

Наталья заворожено следила за его кадыком, который двигался как-то непрерывно, без пауз между глотками. В результате чего, водка протекла в желудок как вода из крана.

Сидор взял кусок неочищенной колбасы, зажевал.

– Поражена? – спросил Хлопин, глядя на широко раскрытые глаза Натальи.

– Завидую вашему аппетиту! – сказала Наталья Сидору.

Он ничего не ответил. Разговаривать с переполненным ртом неприлично.

Наталья собрала пробы анализов в термостат.

– Как я понимаю, Александр Юрьевич, всё это нужно доставить в лабораторию?

– Наташа! Вы просто чудо! – Хлопин раздвинул руки для объятий. Наташа посмотрела на непрестанно жующего Сидора, затем на носки своих туфель. Хлопин неловко опустил руки на бёдра, затем пихнул ладони в карманы.

Оказавшись в подъезде, Наталья поёжилась. К вечеру в летнем платье в начале мая – не по климату. Подсчитав остатки наличности, Наталья едва не разревелась. Ей хва-

тало только на трамвай! Наталья пошла в сторону дороги, к ближайшей остановке. В доме Хлопина старшая лаборантка была впервые, поэтому плохо ориентировалась в сумерках. Наталья вспоминала, как к подъезду подъезжал таксист, по какой дороге. Кажется, он проезжал в тёмной арке.

Наталья зацокала шпильками по асфальту. В подворотне её кто-то взял за локоток. Сердце старшей лаборантки ёкнуло.

Глава 6

Сява страдал от головной боли. Ещё бы! Думать о незнакомых вещах тяжело даже образованному человеку. Сяву озадачивал старый компаньон, его бывший поделщик: Межа, а ныне – Палыч. То хвастался о грандиозной сделке, то опустил нос и нажрался горькой.

– Нет, без бабы тут не обошлось! – завершил Сява мысли вслух.

– Баба нужна, Сява?

– Окстись, Леший! Исчезни!

Браток с телосложением шкафа, пожал плечами, отвернулся к окну. Выходить из комнаты он не мог. Оставлять Сяву одного не имел права. Давать волю чувствам, когда карман худеет – последнее дело. Телохранилитель должен быть рядом с вверенным телом – это Леший уяснил ещё год назад. Тогда Сяве взбренило в голову выйти в ночь. То ли молодость вспомнил, то ли нюх потерял. Леший только-только докурив дорожную сигару до половины, пришлось бычковать и выскакивать из машины: он услышал какую-то возню. Оказавшись во дворе, Леший двумя ударами отрубил какого-то типа, пытающегося утащить Сяву, держа его под мышки. Кто это был, разобрались после.

Оказывается, Сява споткнулся и упал. В это время какой-то тип «помог» ему, пристукнув по голове. Незнакомец

пожелал оттащить Сяву в кусты и ошмонать в спокойной обстановке. Отморозка наказали по понятиям. Желание обидеть пьяненьких клиентов отбили навсегда, вместе с почками.

– Леший, а ведь это идея! Брякни-ка Палычу, намекни, мол, тёлоч новых знаешь.

– Без базара! – браток тотчас вызвал Палыча по мобильному.

– Сява! – вместо приветствия недовольно выкрикнул Межуев.

– Это я, Леший! Гы-гы! Тут, тема такая...

– Дай трубу! – протянул руку Сява.

– Сява, что шестёркам даёшь аппарат? Натыкают кнопочками, потом ищи-свищи адреса!

– Так и что? У меня, Палыч, дубликаты на «железе»!

Услышав из уст Сявы столь умные слова, Межуев отрезвел граммов на двести.

– Что за тема, что за тёлки? – спросил он, полагая, что Сява не станет мести пургу.

– Баньку соорудим, покалякаем. В том числе, насчёт клиента твоего. Ну, этого, ботаника! – дожимал Сява. Нужно было привести начальника в порядок. Откуда взяться яичкам золотым, если курица нетоптана?

– Куда подъехать?

– Сами заедем! – Сява подмигнул Лешему. Тот с готовностью вынул из кармана ключи от машины с брелоком, за-

крутил на пальце.

Вадим Павлович встретил друзей в спортивном костюме, с мокрой головой. Глаза его были ясными.

– Башку помыл, до бани?

– Не мыться же едем, – пробурчал Межуев.

– Да и не бухать уж, – в тон ему пробормотал Сява.

Выскочив из парилки, Межуев хлопнулся в бассейн. Голова от перегрева закружилась, координация пропала. Он хлопнулся брюхом, больно ушибившись. Выскочив из бассейна, Вадим поспешил к столику. Запотевшие со льда фужеры с аккуратными шапочками пены выглядели так аппетитно! Межуев с удовольствием сделал большой глоток, но тотчас выплеснул безалкогольное пиво под ноги.

– Что за бодяга?

– Целебное снадобье для загулявших бизнесменов!

– Издеваешься?

– Шучу! – Сява отхлебнул из фужера, смачно крякнул.

Межуев понял: старый подельник взялся за воспитание.

Разговор пошёл о деле.

Слушая начальника службы безопасности, Вадим Павлович, с тоской поглядывал на двери. Никак не верилось, что не будет никаких тёлочек и человеческих напитков.

– Ты спишь, Межа?!

Павел Александрович дёрнул плечами.

– Ладно, не кипишись! Я твоего ботаника выследил. Он, похоже, чего-то там изобрёл. Желает продать конкурентам.

– Тебе-то как это понять? – Межуев взялся за голову. Боль отходила, сменяясь тупостью.

– Не надо, Вадим Павлович, заканчивать академий, чтоб сообразить, когда пассажир пятки смазал.

– Он что, квартиру продал, машину? Загранпаспорт оформил?

– Масштабно мыслишь, Межа! – Сява вновь обратился к шефу по дворовой кличке. – Ботаники они, что? Ползают на карачках, высматривают каждую травинку. Больше, что он мог сделать, так кинуть маляву в интернет. Мол, изобрёл эликсир жизни. Желающие могут прицениться.

– Тебе-то откуда известно? – Межуев поднялся на ноги.

– Пускай тебе спец разъяснит! Мне тот железный базар на грудь давит. Без пузыря не разобраться, а нужен твёрдый ум.

– С каких это пор, Сява?

– Вадим Павлович, всё потом! Пошли! – Сява вскочил, как будто случайно сел на горящую головню.

Вадим припрыжку поскакал за ним. Таким Сяву он видел только перед большим делом. Делом, за которое светил срок.

Сява, сделав ужасное лицо, метал молнии глазами над шкафами и по углам раздевалки. Мол, кругом «жучки» и «глазки»!

– «Старший брат видит тебя»! – сказал Межуев.

– И хитровкрученным выкручивает!

Межуев пожал плечами. Паранойя Сявы не впечатляла.

Если кругом прослушки, тогда на кой было трепаться в зале? Но, посмотрев на сосредоточенную мину начальника службы безопасности, Межуев промолчал.

«Спец» ожидал в машине. Межуев сразу понял, что это и есть компьютерный гений. Худющий, длинный, с растрепанной из-под банданы шевелюрой. Для полной картины ему не хватало очков с выпуклыми линзами. Межуев хохотнул.

– Расскажи, Винт, начальнику, что там и как! – сказал Сява.

Винт раскурил сигарету и принялся обстоятельно докладывать. Поток непонятных слов утомил Межуева.

– Короче и по-русски, если можно!

– Юзверь посчитал себя самым хитрым, открыв ящик с адресом в другой стране!

– И что?

– Айпишку затопил не ту! Я и заблокировал его сервер.

– О чём ты? – Сява пихнул компьютерного гения в бок.

– Короче, ему никто не может ответить.

– А выцепить его?

– Проще простого.

– То есть, его знают все, а он ждёт писем из ниоткуда! – догадался Межуев.

– Не совсем так. Его могут распознать только люди знающие, чайникам там делать нечего.

– А нам чего ловить?

– Я могу ответить ему.

– Что напишешь?

– Что скажете.

– М-да! Проверь-ка, дорогой, не получил ли он письма от такого же ушлого, как ты?

Хакер открыл ноутбук. Что-то пискнуло, звякнуло.

– Кто-то уже ломился.

– Кто?! – разом подскочили Сява и Межа.

– Так, чайник какой-то, – хакер махнул рукой. – Сейчас поставлю ещё один заслончик!

– И напиши Ботану, что интересуемся его предложением.

– От чьёго имени?

– От имени и по поручению! – хохотнул Межуев.

– «Ваше предложение заинтересовало нас, поделитесь технической стороной дела. О гонораре договоримся!» – зачитал текст с экрана компьютерное светило. – Чью визитку скинуть?

– Дурак что ли?! – Межуев стукнул хакера по руке.

– Я чуть было не отправил ваш адрес! – улыбнулся парень, отдернув пальцы от клавиатуры. – Лучше без таких эксцессов! Тут как слово: вылетит – не вернёшь, сколько не вдыхай обратно!

– Ладно, извини. Возьми визитку фирмы Германии!

– Примерно?

– Чтобы встречались слова, – Межуев напруг извилины, отчего его лоб стал похожим на стиральную доску, – типа

трансплантации!

– Таких слов в поисковике нет! – сказал хакер, повернув ноутбук дисплеем к лицу Межуева.

– Тогда напиши что-нибудь типа: «Хайль Гитлер»! – подсказал Сява.

– Понял!

– Ты чего там малюешь? – возмутился Межуев. Он различал буквы латиницы.

– Нормально всё, начальник! Мюнхен прокатит по-любому. Что пивная, что клиника!

Через пять минут, управившись с пасьянсом Косынка, женщина крикнула из кабинета: – Лёня! Тут тебе какое-то послание мигает!

Лёня влетел в комнату, подбежал к компьютеру.

Почтовая программа предупредила, что файл может нести вредную информацию. Увидев адрес германской клиники, Лёня игнорировал предупреждение. Он вскрыл послание.

– Вот оно!

– Что там?

– Сделка, похоже, состоится! – сказал Лёня, потирая ладони.

– Что продаёшь? – зевнула жена.

– Так, шелуху. Расходные материалы, – заметив улыбочку жены, Лёня поправился: – Не продаю, а покупаю по бросовой

цене!

– Наш процент с продажи?

– Хватит.

– И на Канары?

– Всяко, не на нары!

– Сядешь? – жена кивнула на дисплей компьютера. Расставаться с любимым пасьянсом не хотелось.

– С чего бы это?! – дёрнулся Лёня.

– А что, так и будешь, согнувшись в три погибели щёлкать клавишу?

– А? Да, конечно, – сообразил Лёня и занял стул перед дисплеем.

Лёня принялся карябать что-то на бумаге, затем тыкать указательным пальцем в клавиатуру, выискивая нужную букву. Жена зачем-то отёрла руки о подол и вышла из кабинета.

– Мой застрял в сетке! – сообщила она подруге по телефону, приглашая к краткому обмену новостями.

Глава 7

Сидор допил бутылку до доньшка, посмотрел на часы. Время ещё детское, а выпить нечего.

– Хозяин! – Сидор бесцеремонно вошёл в спальню.

– И не проси! Сгоришь, так и не опьянев. Знаешь смертельную дозу алкоголя?

– На килограмм закуски?

– Весёлый ты мужик! Жаль хоронить такого.

– Я прошу прощения, – Сидор приложил руку к груди, поклонился.

– Чего ещё? – Хлопин вскинул руку, посмотрев на часы.

Пора бы и откланяться гостю дорогому!

– Сорвал тебе романтическую встречу!

– Это моя сотрудница.

– Хорошая деваха.

Хлопин прикрылся книжкой. Он продолжал лежать в кровати, не проявляя гостеприимства.

– Ладно, хозяин, пора мне! Темнеет, в самый раз.

– Заходи, коли нужда будет! – Хлопин выпроводил Сидора из спальни, потянул руку за женским плащом.

– И всё же, зря ты шурнул её! Я б ни коим образом не помешал.

– Сидор, оставь нотации! И так тошно мне.

– Кабы не случилось чего с Наташкой! – продолжал бур-

чать Сидор, обуваясь.

– Да откуда ты такой взялся, сердобольный?! Постой! – Хлопин придержал уходящего гостя за рукав, второй рукой потянулся к телефону.

Сидор замер у порога.

Хлопин набрал домашний номер Натальи, поставил аппарат на громкую связь.

Сидор, раскрыв рот, стоял, не отводя глаз от мигающей лампочки телефона.

После пятнадцати длинных гудков в никуда Хлопин отключил аппарат.

Сидор развёл руками. Мол, что я тебе говорил?

– Она могла задержаться в лаборатории, – предположил Хлопин, посмотрел на качающего головой Сидора и набрал свой рабочий номер.

Пяти положенных по этикету гудков хватило, чтобы понять: Наталья не в лаборатории. Хлопин уселся перед телефоном, начал поочерёдно давить на кнопки с указателями: «преподавательская», «лаборантская», «аудитория №1».

Трубку поднял только швейцар.

– Слушаю! – гаркнул он.

– Вы пьяны?

– Александр Юрьевич! Ни в одном глазу!

– Чудо ты наше, семижильное! – улыбнулся Хлопин. – Наталья приходила? Или нет, вообще, кто-нибудь приходил на кафедру?

– Не было никого, Александр Юрьевич!

– А если подумать?

– Да что думать? Не было никого, – Колбин пробурчал себе под нос: – Какой дурак пойдёт на работу в выходной?

– Колбин, дорогой! Не пора ли исключить тебя из числа дураков?

– Извините, Александр Юрьевич, зарапортовался.

– Где ты шлялся весь день? – гаркнул Хлопин. Он почти увидел, как студент вскочил, вытянувшись в струнку.

– Да я ненадолго отлучался.

– Пиво халкал в ларьке?

– Немножко. Я подумал, что тут может приключиться? Украсть у нас нечего. Да и кому придёт в голову лезть на кафедру с разными микробами?

– Много вопросов, Колбин. С какими микробами?

– Да люди так говорят.

– Обойди все кабинеты, осмотри по описи всё имущество, сверь со списком каждую пробирку! Сколько нужно на это времени? – спросил доцент. Он был уверен, что это неразрешимая задача.

– Сорок минут, Александр Юрьевич! Вам доложить?

– Время пошло, Колбин!

– Ну-и? – спросил Сидор, уже держась за ручку двери.

Хлопин мотнул головой.

– Осуждаешь?

– «Не судите, да не судимы будете»! – сказал Сидор, мо-

литвенно сложив руки.

– Ступай, Сидор, – Хлопин опустился на табуретку, сложил руки на колени.

Сидор на прощанье подал руку, но был вынужден убрать её в карман. Хлопин никак не отреагировал на жест доброй воли.

* * *

Межуев окончательно пришёл в себя. Он уже вовсю орал на кого-то по телефону. Сява улыбнулся.

– Ты сделаешь следующее! – Палыч разрубил воздух кулаком. – Немедленно отвезёшь её домой, извинишься и выдашь компенсацию!

Абонент, судя по всему, был готов исполнить любое, самое дикое желание, но почему-то заартачился.

– Чего у тебя нет? – спросил Межуев издевательским тоном.

– Сява! – обернулся Палыч. – Человек сетует, что денег нет!

– У кого ж они сейчас?! Сплошь у жуликов и бандитов!!! – проорал Сява, вытянув губы, чтобы слова долетели до трубки мобильного.

Межуев сморщился.

– Отключился, – сказал он.

– Я его сам сейчас отключу! Кого он там прижал?

– Ты понял, что твой бригадир напортачил?

– Что мой бригадир понял, а что напортачил?

– Престарелую женщину напугал до полусмерти!

– Не мети пургу, начальник! Болт косяков не порет! Какая на хрен старуха? Если пристукнул по темечку – заработала, а чтобы петушиться?!

– Говори по-русски!

– Я за Болта отвечаю! Дай трубку!

Межуев протянул мобильный начальнику службы безопасности. Взвинченный Сява схватил мобилу, нервно потрянул.

– Поаккуратнее, это не старый телевизор, чтобы: стукнул и заработал!

Не обращая внимания на замечания хозяина, Сява нервно тыкал пальцем в кнопку отбоя.

– На зелёную дважды! – подсказал Межуев.

– И я говорю! – улыбнулся оттаявший Сява. Он вызвал последнего абонента хозяина.

Болт тотчас отозвался.

– Что ты там набуксовал?

В двух словах Болт разъяснил положение. Сява стоял напротив Межуева, кивал и улыбался. Александр Павлович хлопал ресницами, не зная, куда деть руки. Ему казалось, что Сява с Болтом просто издеваются, стараясь выставить начальника лохом. Они-де, люди бывалые, сами меж собой разберутся.

Сява отключил связь, протянул начальнику аппарат.

– Всё нормально. Доставим до дому твою старуху! Ни один волосок с неё не упал и не упадёт. Бабок всучим, рот прикроем!

– А дело?

– Дело сделано, – сказал Сява так, будто речь шла о чём-то само собой разумеющемся. Типа, солнце взошло.

Глава 8

Наташа очнулась в чужой квартире. Она плохо помнила, что произошло. Голова, вопреки тому, как это бывает у героев детективов после отключки, не болела. Наталья осмотрела руки: никаких царапин, том паче, уколов! Предполагая самое страшное, Наталья осмотрела себя полностью. Одежда не то что порвана – не испачкана, а помята оттого, что Наталья лежала на кровати, не снимая туфлей. Нет, никто не покушался ни на её жизнь, ни на честь! Даже грустно как-то. Наталья усмехнулась. В полумраке едва различались стены, мебели почти не было. Наталья спустила ноги на пол. Удивительно, ковёр! Пользуясь тем, что руки-ноги не связаны, Наталья встала во весь рост. Приблизительно у выходной двери должен быть выключатель.

Он оказался на месте. Наталья нажала на кнопку. Загорелись шесть лампочек хрустальной люстры, свисающей с потолка под вид сталагмита. Удивительная роскошь для убогой комнаты! Наталья дёрнула за ручку двери. Заперто. Что и следовало ожидать. Старшая лаборантка увидела контейнер зелёного цвета. Он стоял впритык к кровати. Замки не тронуты. Наталья открыла крышку, проверила пробирки. Все оставались на местах.

– Интересное кино! – вырвалось у неё с языка.

– Кина не будет, кинщик спился! – ответил мужской голос

из-за двери.

Тотчас повернулся ключ в замочной скважине. На пороге нарисовался мужчина. Коричневый пиджак поверх белой водолазки, спортивные штаны и туфли от Гучи. Наталья улыбнулась – столь жуткую смесь она видела впервые.

– Так что, красавица, пора домой, баиньки!

– А что? Как я тут? Зачем?

– Мне тоже некогда, – сказал мужчина. – Помочь донести?

– Не стоит утруждаться, это моя работа! – ответила Наталья, держа контейнер перед собой.

– Как скажете, – мужчина пожал плечами. Он повернулся боком и прошёл в дверной проём, зацепив-таки могучим плечом за косяк.

Наталья поняла, на вопросы он не ответит. Из вредности. Или попросту не знает ответов. Но где гарантия, что её отвезут именно домой?

– Адрес назовёте таксисту! – упреждая вопросы, сказал мужчина.

– У меня нет денег на такси.

– Всё предусмотрено! – мужчина протянул Наталье сиреневый кошелёк.

– Это не моё! – Наталья отдернула руку.

– Такси возьмёте сами! На ваш выбор. Деньги это ваши. Честно заработанные! – мужчина заржал в голос.

Рука Натальи непроизвольно потянулась к поясу.

– Ничего подобного! Мы просто вас завербовали, – муж-

чина продолжал улыбаться.

– И что с того будет?

– Родина призовёт! – незнакомец сдвинул брови и посмотрел в небо.

Наталья не заметила, как он остановил такси. Что-то подсказывало ей, пользоваться этой услугой небезопасно.

– Извините! – сказала она шофёру. – Нам с товарищем недалеко!

Водитель хмыкнул и дёрнул прочь, как бегун с низкого старта.

Наталья огляделась. Неудивительно, что шофёр принял её за сумасшедшую – рядом с нею никого!!!

Она прошлась по кромке дороги, благо, фонари освещали улицу с обеих сторон.

Такси с шахматным значком не вызывали тревоги – Наталья остановила машину.

– Стольник! – сказал шофёр, внутренне готовый к торгу.

– Сейчас, сейчас! – распушенный кончик шнурка застрял в молнии и не подавался. Защёлка была такой мудрёной, что Наталья боялась сломать без того короткий, до безобразия квадратный ноготь.

Подъехав до указанного адреса, водитель с намёком посмотрел на счётчик.

– Да открывайся же! – Наталья дёрнула замок вперёд-назад. Нитки золотистого шнурка наконец-то порвались. Целую сломанной молнии кошелёк раскрылся. Вслед за ним

раскрылся рот Натальи.

Водитель повернул голову, Наталья захлопнула кошелёк.

– Девушка! Разве мы договаривались...

– Зелень устроит? – перебила Наталья.

– Да хотя б синь! – улыбнулся шофёр.

Наталья вынула сто баксов, к сожалению мельче не было, протянула шофёру.

– Я сдачу не наберу!

– Потаксуешь с полночки и соберёшь!

Ни слова ни говоря, шофёр взял купюру и уехал, не прощаясь. Спустя сто метров он вспомнил, что не запомнил номер дома. И куда теперь сдачу отдавать, побомбив с полночки? Он откинулся на спинку кресла и расхохотался.

Наталье было не до смеху. Три тысячи баксов без одной сотни – годовая зарплата старшей лаборантки, за что? Человек, говоривший о какой-то вербовке никак не походил на члена могущественной организации, у которого на лбу написано бледненькими серенькими буквами «КГБ»! Скорее, бандит с большой дороги.

Так или иначе, вырученные деньги налогом не облагались. Хотя за ними могли прийти хозяева, передумав насчёт «вербовки». Наталья, благоразумно, как ей казалось, отложила деньги в конверт и спрятала в книгу «Большая советская энциклопедия». Наталья набрала домашний номер Хлопина.

– Александр Юрьевич! Простите, я не смогла выполнить ваше поручение...

– Наташа! Ты где? Живая!

– Вы меня потеряли? – спросила Наталья. Голос предательски дрогнул.

– Я несколько раз звонил вам на домашний, но никто не отвечал. На мобильный – «вне зоны доступа». Колбин доложил, что на кафедре вас не было. Я уж было собирался звонить в милицию, куда ещё там положено...

Наталья стояла, слушала, чувствуя, как щёки её горят ярким пламенем.

Хлопин переминался с ноги на ногу, увидел мобильный Натальи на полочке в своей прихожей, и затараторил без умолку.

Наталья смотрела в зеркало и видела счастливую дурочку, кусающую себя за кончики волос.

– ... и всё же, Наташа, дорогая, что случилось? – выдохся Хлопин.

– Я... просто не смогла попасть на кафедру. Контейнер у меня. Можно, я принесу завтра. Сразу на работу и...

– Конечно-конечно!

Наталья опустила руку с трубкой. Доцент продолжал о чём-то говорить.

– Александр Юрьевич, я очень устала...

– Понял, понял! – Хлопин попрощался.

Наталья положила трубку и отправилась в ванную. Напустив в ванну душистой пены, она блаженствовала перед сном. Голову мыть не хотелось, но волосы намокли. Ната-

ля неохотно потёрла голову. Кончики пальцев защипало, как слабым разрядом электричества. Наталья опустила руки в воду, поболтала ладонями. Нет, вода не бьёт током! Значит, наэлектризована голова! Вот, что бывает с человеком, который выходные дни посвящает общению с начальством. Вздохнув, Наталья облилась душем.

Смотреть телевизор не хотелось, Наталья легла в кровать. Отключив свет, она долгое время смотрела в потолок. Как только закрывала глаза, так видела перед собой измятые долларовые купюры, на которых изображался рыжий бандит. Он подмигивал, гадливо улыбался.

Хлопин сидел на кухне, пил чай чашку за чашкой и думал, думал...

Глава 9

Закат над озером умиляет городских жителей до щенячьего писка. Разом бросив гитару и карты на пенёк с раскладом «тысячи», молодые люди усталились на оранжевый диск солнца. Скользящие последним приветом лучи не причиняют боли глазам. Блики тёмно-синих волн играют переливами от сиреневого до светло-голубого. Неспешные озерные волны плещутся о мосток, приспособленный для ныряния. Водохранилище с самого берега глубиной до трёх метров, поэтому купающихся здесь мало. К тому же, ранней осенью никому не приходит в голову отдыхать на природе у холодного озера. Этим успешно пользовалась компания студентов. Сторож отдавал в аренду за символические сто пятьдесят граммов свой вагончик, сам в это время преспокойно дрых на даче в полукилометре от берега. И волки сыты, и овцы целы. Пацаны охраняли озеро, плюс к тому наливали на сон грядущий.

Студенты привозили девиц, на что сторож смотрел понимающе. Сам был когда-то... Хоть и не был никогда, но каждый раз повторялся. Не в присутствии дам, разумеется.

Шашлыки подстыли, водка плескалась на доньшке. Холодало. Длинноволосый парень в тёмных очках с позолоченной оправой, одной рукой обнимал блондинку, другой – лениво скидывал карты на колоду. Его товарищ, такой же лохма-

тый, долговязый субъект на свою пару не обращал ни малейшего внимания. Он втихомолку прикладывался к «беленькой»: то проверить шашлычок сбегает, то в кустики. Попутно плескал из другой бутылки на донышко железной кружки, залпом хапал и возвращался, напустив на себя вид смурнее прежнего.

Лена устала смотреть на закат, отвернула голову в сторону. В это время мимо затухающего костра возвращался подзаправившийся Валентин.

– Валя!

– Чего глаза округлила, Ленка?

– Да у тебя же начинающийся цирроз печени!

– И тебе не бухать! – ухмыльнулся Валентин.

– У тебя был гепатит?

– Попрошу не умничать! – сказал Володя.

– Я не в том смысле.

– Каждый может лечить, учить и играть в футбол!

– Я без задней мысли! – затеребила рукава куртки Лена.

– С передней, как же! Пошли, покурим, Валя!

– Чего ты? – спросила подруга у Лены.

– Да сама не знаю! Когда он шёл между костром и закатом, у него как рентгеном внутри просветилось.

– И что?

– Да ничего! Там печень наполовину была чёрной!

– Понимаю, начиталась книжек! – хихикнула подружка.

– Галя! Может, я лишнего болтнула, – Лена пожалала пле-

чами, – но не сдержалась. Понимаешь, у меня впервые такое!

– Так бы и сказала, что ни разу не трахалась! – надула губки подружка. – То я думаю, твой ни мычит, ни телится! Впрочем, как хотите. Наливай подруга себе и мне, остальные все пьяные!

Пацаны отошли от костра, посовещаться.

Володя заявил, что ему пора в город. Валентин возмутился.

– Валя, не парься. Делайте, что хотите. Хоть обеих их отжарь! А я – к Митричу!

– Ну, ты кадр! Такой вечер испортил. На кой в такую даль пёрлись? Могли в общагу забуриться.

– Если она точно собирается замуж, надо быть дураком...

– Так и побудь им вечером, а потом поумней!

– Обслужишь обеих, впервой ли?

– Да пошёл ты! Кстати, эта ворона тебе как раз в жёны! Такая же стерва. Так что, подумай! – пользуясь молчанием друга, Валентин продолжил мысль: – Пролезла в медсёстры, и считает, что будущим докторам можно уже диагнозы ставить направо-налево!

– Короче, дело к ночи! Скажешь, вызвали меня компаньоны по делам фирмы!

– Сволочь ты, Володя.

– Знал, что добрых слов не дождусь, – улыбаясь, сказал Володя, потянулся к рюкзаку.

Лицо друга вытянулось, затем расплылось в широкой

улыбке. Володя вынул бутылку водки и баночку чешского пивка. Оставив друга с двумя девицами, Володя прошёл к сторожу, выпросил велосипед и уехал в город.

– Я на тебе никогда не женюсь! – орал он во всё горло на ночной пустующей трассе.

Глава 10

Колбин не мог успокоиться, он полночи названивал друзьям, нащупывал знакомства, чтобы повлиять на доцента Хлопина как на основного работодателя. От самодурства Александра Юрьевича зависело будущее. Стипендии на жизнь не хватало, помощи ждать неоткуда. Работа – это жизнь. Как ни ноешь, ни канючишь, а подыхать всё одно не соглашаешься.

– Закрыл бы ты глаза, да продолжал дежурить. Полюбому, сегодняшнюю смену тебе оплатят! – посоветовал дружок сокурсник.

– Спасибо, умеешь ты утешить.

– Не кани! Если что, я переговорю с кузенком. Всё будет в порядке! Всё, отбой! – Володя отключил телефон, зевнул и повернулся на другой бок.

Колбин посмотрел на деревянную дверь, неплотно прилегающую к косяку. Сквозь щель виднелась переливчатая рекламными огнями ночная улица. Запор был задвинут до отказа. Плюс к нему неоструганная доска на всю длину косяка, продетая в ручку. Пнуть разок какому-нибудь каратисту, и амба! Рассыпятся хитромудрые запоры. Не успел Колбин хихикнуть собственной шутке, как треснула доска и, под непрекращающимся давлением, сорвался железный засов.

– Всё нормально! – заявил парень в спортивном костюме. Поверх олимпийки из китайского ширпотреба на шее висела массивная позолоченная цепь. Он поднёс указательный палец к губам, а для убедительности жеста вынул пистолет из-за пазухи, направив ствол в голову сторожа.

Колбин сидел ни живой ни мёртвый, боясь шевельнуться.

– Сейчас ты дашь нам ключи от лаборатории Хлопина, проводишь туда, покажешь: что и как!

Колбин сидел и кивал.

– Ресницами не хлопай! А то глаза сомнёшь!

Парочка точно так же одетых бычков, только с цепями потоньше, заржала.

– Как скажете, – Колбин пожал плечами, стараясь показать, что ему всё равно: куда идти, что показывать.

Он провёл братков до кафедры биохимии, открыл двери.

– Куда теперь? – спросил Колбин.

– Свет включи!

Колбин вздрогнул. Сомнений не было, что отморозки начнут стрельбу при любых осложнениях. А включенный свет в окнах институтского корпуса мог привлечь внимание бдительных граждан, кои не переводятся в стране русской. Сообщат, куда следует, и завертится карусель. Там уж никакой кузен Володьки не поможет!

– Слышь ты, дебил? Я похож на кошку?! – грабитель ткнул стволом в хилую грудь Колбину.

– Н-нет.

– Тогда врубай свет! И поживее! Твоя же контора, не моя хаза!

Бандиты засмеялись.

Колбин включил общее освещение в коридоре. Братки огляделись. Развешенные плакаты со схемами биосинтеза белка, похоже, их не заинтересовали.

– У нас нет никаких денег и ценных реактивов.

– Я тебя спросил? – бандит легонько приложился к затылку сторожа рукояткой пистолета. От чего у Колбина посыпались искры из глаз. Коленки его подкосились, сторож медленно свалился на пол.

– Ну, ты, Мудильяни, даёшь! На фа его вырубать-то?

– Заткни фонтан! Лучше приведи его в чувство, иначе рядом ляжешь!

Браток отшлёпал Колбина по щекам.

– Очухался? Это было только предупреждение!

Колбин быстро заморгал.

– Вставай и веди в лабораторию Хлопина! – бригадир братков с удовольствием произносил недавно изученное слово, проговаривая каждую букровку.

– Сейчас, – Колбин поднялся на ноги. Он пощупал затылок рукой, к счастью, крови не было. Хотя под пальцами ощущался рост огромной шишки.

– Шустрее можешь?

– Не бил бы по башке, – пробурчал под нос Колбин и тут же прикусил язык, в буквальном смысле, получив рез-

кий апперкот в подбородок. Говорить расхотелось. Колбин привёл братков в учебную аудиторию.

Один из бандитов, тот, что приводил сторожа в чувство, огляделся по сторонам. Его глаза явно выискивали инструмент для вскрытия замков.

– Ничего не крушить! Этот лошара сам откроет. Ты вообще, дебилоид, жить хочешь?

Колбин снял связку ключей со стенда над преподавательским столом.

– Вот они, закорма профессуры! – сказал бригадир, увидев сейф, после того, как Колбин сдвинул в сторону заднюю стенку шкафа. – Открывай!

Колбин замер перед кодовым замком. Ему никогда не приходило в голову узнать код от сейфа доцента Хлопина.

– Чего там, уснул?

– Не бейте! – выкрикнул, взвизгнув Колбин. Он тотчас покраснел с головы до пят, как будто представил себе группу студентов, наблюдающих за его позором.

– Открывай! Слыхал, что сказали? Чтобы ничего не было сломанным, понял?!

– Я сейчас соображу! – пообещал Колбин, прикрыв голову руками.

– Можно ускорить этот процесс!

– Нет необходимости, – Колбин менял цифры, уповая на смекалку. Так, самые затёртые должны быть на виду. Их было количеством по три. Три цифры из комбинации по три.

Можно гадать до опупения. Была не была! Он крутанул наобум, ключ не вставился.

Бандит хохотнул.

– Я думаю, шифр должен быть где-то тут! – сказал Колбин.

– Ты ещё подумаешь пару минут, а потом я твой башкой раздолблю этот сейф! Время пошло! – бригадир уселся на первый попавшийся стул. Сотоварищи подельники заняли места рядом, сложив руки на стол, но повернувшись лицом к преподавательскому столу.

Колбин сдержал ухмылку. Для полноты картины ему оставалось голосом Хлопина заявить:

– Вот так, доктора, всё тот же цикл Кребса!

Вместо этого лаборант открыл ящик стола. Понимая, что там искать нечего, выдвинул второй и третий. В голове всё стучала эта тупая фраза из арсенала пародий на доцента Хлопина. Когда братки начали терять терпение, заёрзали, заскрипев стульями, мысль Колбина сформировалась окончательно. Пан или пропал! Других вариантов попросту нет!

«При затрате двух молекул АТФ в итоге получаем 36! В каком магазине получите такую сдачу»? – в ухо диктовал Колбину незримый доцент.

Колбин набрал всплывшую в мозгу комбинацию цифр: «два – три – шесть». Ключ прошёл в скважину, механизм щёлкнул, дверь раскрылась!

Братки сиюмоментно оказались за спиной Колбина. Бандиты уставились в предполагаемые закорма, но вместо вос-

торженного: «Ух!» – их раскрытые рты смогли выдунуть разочарованное: «У-ф».

– Я не виноват, я ни в чём не виноват! – не стесняясь, завопил Колбин. Теперь ему было не до образных видений собственного позора.

– Придурок, – усталым голосом сказал бригадир бандитов, – замолкни.

Колбин захлопнул рот, чакнув зубами.

– На дверях установишь статус-кво!

Колбин кивнул, сглотнув сухим горлом.

– Объяснять три раза не буду! – бандит взмахнул пистолетом.

– Всё понял! Понял! Щеколду на дверях привинчу назад, доску принесу из столярки! – отрапортовал Колбин, глядя на бандита честными до слезы глазами.

– Понятное дело, никому ни слова! – добавил Колбин, глядя в отморозенные глаза налётчика.

– Тащи службу, лошара! – похлопали по плечу бандиты. Почти дружески, с энтузиазмом. В результате чего сторож протёр спиной косяк, а затем поцеловал угол.

Трясущимися от перевозбуждения руками Колбин вворачивал шурупы выдернутой с мясом задвижки, приговаривая: – Ученье – свет, а не ученье – тьма!

Глава 11

Наталья проснулась задолго до ненавистного звонка будильника. Вспомнила совет бабушки: «Если сон худой придется, проведи рукой по волосу: отпадёт и не сбудется»! Наталья провела рукой по голове, тотчас вскочила в кровати. Что, что случилось за ночь? Кто, кто подсунул ей парик? Волосы были густыми, как ондатровая шкура, но мягкими как соболиный мех. Наталья нарочито быстро прошла мимо зеркала, чтоб не упасть в обморок. Подёргала себя за кончики волос – больно! Волосы за одну ночь отрастают только у трупа! На каком она сейчас свете? Вполне вероятно, бандиты не оставили её в живых, а пачка долларов появилась уже в видениях агонии.

Затрезвонил будильник.

– И на том свете достанешь! – проворчала Наталья. Она вернулась в спальню, заткнула будильник. Да, в наше время и мёртвого заставят встать, идти на работу!

Наталья чистила зубы, не включая света. Смотреть на себя в зеркало страшно. Ещё хуже – не обнаружить собственного отражения!

Наталья споткнулась о низкий порог в ванной, выругалась во весь голос.

– Сачкануть от работы по причине собственной кончины не удалось! – сказала старшая лаборантка, щёлкнув выключатель.

чателем.

Наталья набралась смелости, посмотрелась в зеркало. К удивлению, ничего ужасного и сногшибательного не произошло. На неё смотрела испуганными глазами Наталья Семёнова, 37 лет от роду, старший лаборант кафедры биохимии. Только вот, веки стали гладкими, залысины пропали.

Отмывая чашку из-под кофе, Наталья заметила, что исчезла матовость ногтей и минитрещин как и не бывало! Хоть сейчас маникюр наводи! Наталья пробежала к шкатулочке – ничего кроме гигиенической пудры, по составу схожей с детской присыпкой! В сердцах Наталья всплакнула. Оттирая лицо, вновь сделала открытие: за ночь вывалилась перемычка щетины между густыми бровями. Решив немедленно привести себя в порядок, а на работе сказать, что задержалась по уважительной причине, Наталья открыла телефонный справочник, чтобы отыскать адрес ближайшего косметического салона.

– И всё не как у людей! – Наталья хлопнула себя по коленям.

Уважительная причина опоздания отыскалась сразу – затопили соседи сверху, такое бывало и на самом деле, но денег на салон не хватало. Что там салон, в обычной парикмахерской, в наше время, за тысячу рублей в лучшем случае, позволят посидеть в прихожей, посмотреть журнальчики с заграничными плосколицыми диванами с накаченными грудями. Эка радость!

Семёнова разозлилась: на что ей вручили гонорар, как не на красоту?

Наталья набрала первый попавшийся в справочнике номер телефона.

– Салон «Афродита» к вашим услугам! – отозвался слащавенький голос.

– Это автоответчик? – Наталья приняла решение: пойти только туда, где ответит живой голос, хотя бы кастрата.

– Что бы вы хотели? Записаться на очередь?

– Ни за что? – нарочно невпопад спросила Наталья.

– Тогда, тогда мы можем проконсультировать вас по работе мастеров.

– Чего меня консультировать? Какой парикмахер, и какими ножницами стрижёт?

– У нас, стилисты высшей квалификации!

Наталья услышала, как надувшиеся губки говорившего ширкнули по мембране телефона.

– Вы не поняли, Я хочу привести себя в порядок немедленно!

– Сегодня, это проблематично...

– Слушай, у тебя есть этот, свободный стилист?

– Вам с услугой на дому?

– Ты бы подсказал мне парикмахерскую для нищих, а? заплачу! – Наталья шлёпнула себя по бедру, туда, где располагался воображаемый карман.

Молодой человек обиженно опустил трубку.

– М-да, живой голос. Подвёл ты меня, подвёл! – Наталья вздохнула. Поднялась на ноги, уже улыбаясь. Никто не сможет испортить хорошего настроения! Просто не посмеет, да и всё.

Наталья прошла полквартиры до поворота к институту, но свернула в противоположную сторону. Там где-то, помнилось, была парикмахерская.

Цирюльня осталась на месте. Вывеску никто не поменял. Может быть, потому что в подворотне, и мало кому заметны подъеденные потёками ржавчины синие буквы на козырьке подъезда.

– Маникюр? – сморщилась парикмахерша, оглядев вошедшую в бесформенных брюках и объёмном пиджаке.

– Он самый.

– Прямо сейчас?

– Желательно.

– О-ох. Покажите!

Наталья вытянула руки вперёд.

Парикмахерша улыбнулась. Ногти, поражающие девственной чистотой. Цельные, как игрушка. Работать с такими одно загляденье. Радость мастеру, удовольствие клиенту.

Парикмахерша усадила женщину, занялась работой.

Наталья не успела помечтать, как парикмахерша известила:

– Готово!

Наталья, вращая ладонями, оглядела ногти со всех сто-

рон.

– А лак положите?

– Ни к чему губить создание природы! – результат работы, похоже, прибавил радости мастеру.

– Сколько я должна?

Парикмахерша назвала смешную цифру.

Наталья тотчас расплатилась.

– Недавно приехали?

Наталья одарила мастера взглядом, заимствованным у старой преподавательницы своей кафедры.

– Извините.

– Да это вы простите меня! – Наталья прижала ладонь к груди. – Можно сказать, я только что проснулась.

– Женатый?

– Нет.

– Тогда позвольте дать вам несколько советов.

Наталья вытянула лицо вперёд, стремясь не пропустить ни одного слова.

– Смените, – парикмахерша махнула рукой, – а лучше купите себе платье!

– Спасибо.

– И, пожалуйста, не делайте химической завивки! Жаль портить такую красоту.

– Вы полагаете?

– Если желаете, за полчаса сделаю причёску Нефертити.

– Мне бы попроще.

– Как скажете, но вы куда-то спешите? – парикмахерша взглядом указала на контейнер защитного цвета в руке посетительницы.

– Нисколько я не спешу!

Как и обещала, мастер уложилась в тридцать минут.

– И всё же, смените имидж! – повторила она на прощание.

Наталья улыбнулась в ответ, увидев себя в зеркало, счастливую и цветущую – Бальзак со своими клячами отдыхает – Семёнова прыснула со смеху, как школьница.

Выйдя из парикмахерской, Семёнова зашагала дрейфующей походкой. Бедром вперёд, что называется. Галифе её раздувались на бёдрах, морщась в промежности. Действительно, ужас. Сгорая от стыда, с новой причёской, с наманикюренными ногтями, но в солдафонской форме, Семёнова строевым шагом направилась домой.

– Погибать, так с музыкой! – сказала она, вынимая из толстой книги пачку долларов.

Глава 12

Лёня, потирая руки, ожидал посредника. Они уговорились по телефону, что тот прибудет к полудню. С деньгами, разумеется. Товар Лёня оценил в сто тысяч долларов, для пробы. Остальное, очень много! Насколько много, Лёня боялся и подумать. Ляпин решил дать на пробу только один из двух компонентов.

Полагая, что босс ничего в этом не смыслит, Ляпин задумал параллельную сделку. Достать реактивы проще простого, он «купил» пьянчугу шофёра, вывозившего отходы класса «В» из медицинских учреждений.

Водитель уговорился на фунфурик медицинского спирта. Он заглохнул стакан и поехал на свалку. По дороге уснул за рулём, затем из памяти выпал изрядный кусок. Но, придя в себя, Петрович увидел постороннего человека у контейнера с нужными отходами. Не составляло труда отрубить залётного двумя сложенными кулаками. Интеллигентишко оказался хилым, отключился с первой попытки.

Машина как назло не заводилась. Петрович забрал контейнер и потопал в сторону от трассы. Дойдя до свалки, он попросил знакомого бомжа, постояльца помойки, позвонить Лёне, благо тот нацарапал свой номер на бумажке. Клиент тотчас примчался, забрал контейнер, а Петрович – двести пятьдесят граммов без малого чистейшего медицинско-

го спирту!

Ляпин исследовал контейнер, нашёл полотенце и ватный тампон, пропитанный биологической коричневатой жидкостью. По интенсивности окраски они отличались, что позволяло Лёне внести их в разные категории. Что это были именно те растворы, о которых упоминал Хлопин, сомнений не было. Лёня учился в медицинском, худо-бедно закончил с синим дипломом, но зато с красной рожей, а не наоборот! Не долго мудрствуя, Леонид Геннадьевич запихал ветошь и ватку в разные банки, залил физиологическим раствором. Готовую вытяжку разлил по двум флаконам. Начальнику доложил, что Хлопин больше не нужен.

– Изобретение в наших руках!

Сява хмыкнул, но к сведению принял.

– Палыч, всё не так плохо! – сказал он Межуеву, отчитываясь за неудачный ночной набег на биохимическую лабораторию.

– Ничего не нашли! – Межуев потряс чистым листком бумаги над столом. – Спецу отказали, но крысу завели!

– Крыса в клетке. Эта хрень во флаконе, точно у него. Спец нам на кой? Он что, каждый день изобретает? – спросил Сява и, не дождавшись ответа, продолжил: – У нас был такой на зоне Архимед. Он десять лет над какой-то лабудой мозговал!

– И что?

– Что? Что? Государство кинуло его. Сказали: «Нам такая

хрень ни к чему»!

– Так и что? – никак не мог сообразить Межуев.

– Тюкнул по тыковке самому главному министру, и сел за это.

Межуев рассмеялся.

– Нам смешно, а ботанику жизнь сломали.

– Что-то ты стал сентиментальным, Сява.

– Слышь, Межа! – Сява нарочито спрятал сжатый кулак за спину. – Мы хотя на воле, а базар-то фильтровать надо!

– Неуч ты неуч! – расхохотался Межуев, глядя на багровеющего Сяву. – Сентиментальный, это значит, сочувствующий всяким...

Межуев пощёлкал пальцами, подбирая понятное слово.

– Опущенным что ли?

– Типа того.

– Опущенного пожалуй, конечно, в падлу, но крысу держать под боком ещё хуже!

– Думаю, разберётесь сами, – сказал Межуев. Заверещал его мобильник. Вадим Павлович кивнул начальнику безопасности. Сява понял, удалился.

– Чего там ещё?!

– Палыч, тема такая...

– Володя, хватит косить под уркагана! Откуда на этот раз тебя вытаскивать?

– Да не меня! – вспылил двоюродный братец. – Кореш мой вчера подвергся разбойному нападению.

– У меня посредническая фирма, а не детективное агентство.

– Похоже, твои посредники от Сявы наследили в медицинском.

– Что, что?

– Так вот, они нашухерили там малость, пацана отрубили.

Ничего не взяли.

– Тебе-то какая беда?

– Так уволят пацана! Хлопин уже грозился.

– Так, так, давай по порядку! Что за Хлопин, почему уволят, если ничего не пропало?

– Да хрен его знает! Ты бы посодействовал, что ли...

– Я вашего Хлопина не знаю. Сява тоже с ним шконку не делил.

– Ну, хоть на работу возьми пацана. Я за него отвечаю, если что.

– Он тебе брат, сват? К чему такое участие?

– Да как тебе сказать, безотказный чувак.

– Дойная корова?

– Вроде того, – ухмыльнулся Володя.

– Что-нибудь придумаю.

Володя, не прощаясь дабы не искушать братца, отключил связь.

– Это я-то корова? – взорвался молчавший до сих пор Колбин.

– Чего пылишь? По-другому тебя не возьмёт! – глядя

в глаза другу, сказал Володя.

– Буржуин, – заключил Колбин.

– Считай дело в шляпе!

Друзья хлопнули друг друга ладошками, попрощались на американский манер.

Хлопин вызвал в кабинет лаборанта.

– Пора, дорогой об учёбе поразмыслить!

– Я понял, Александр Юрьевич!

– Тогда пиши: «в связи с академической задолженностью...»

Коленки Колбина подкосились. Исключают из института, за что?!

– Не трясись ты так!

Колбин застрочил по бумаге. В крайнем случае, можно порвать листок или сожрать на виду у доцента!

Но крайних мер не понадобилось. Доцент продиктовал до конца. Оказалось, следует всего лишь отказаться от ночных дежурств на вахте.

– А в лаборатории я остаюсь?

– На то наша хозяйюшка! Её воля, – Хлопин развёл руками.

– Можно мне прямо сейчас, – Колбин вздёрнул руку с часами, поднёс к носу, – с Натальей переговорить?

– Она сегодня задержится. Приходи после третьей пары.

– А вы будете здесь?

– Много вопросов, а терпения у меня мало! – неожиданно для себя рявкнул Хлопин.

Тотчас дверь за Колбиным закрылась.

Хлопин набрал номер лаборантки. Домашний не отвечал. Доцент позвонил Наталье на мобильный. Весело затренькала мелодия в правом кармане пиджака.

Хлопин стукнул себя по лбу. Что, если бы кто из студентов, тот же Колбин, позвонил Наталье во время лекции. А у доцента в кармане затренькал телефон! Хлопин усмехнулся. Паранойя! Даже если случись такое, кто поймёт, что это телефон лаборантки в кармане лектора? И вообще, почему доцент должен отчитываться кому-либо о личной жизни. Тьфу ты! Теперь Наталья стала частью личной жизни!

В дверь шлёпнули ладошкой. Таким образом обнаружила себя только Наталья. Она не стучалась, но прижимала руку к двери, затем входила.

– Не заперто! – сказал доцент.

– Александр Юрьевич, извините, я немного задержалась...

Хлопин крутанулся на вращающемся кресле лицом к Наталье и едва не шлёпнулся на пол. Он сидел с раскрытым ртом, ловя воздух, как рыба, случайно выпрыгнувшая на берег.

– Я... я обещаю, это было в первый и в последний раз! – Наталья теребила газовый шарф поверх костюма-двойки с расклешённой юбкой.

– Наташа?!

– Александр Юрьевич, я устала быть промокашкой и ре-

шила сменить имидж! – выпалила заготовленную фразу старшая лаборантка. На большее воздуха в объёмной груди не хватило.

– Замечательно! – доцент хлопнул в ладоши. Хлопин протянул мобильный телефон хозяйке.

– Я принесла анализ нашего Сидора, убрала термостат в ваш сейф! – сказала Наталья, включаясь в рабочую обстановку.

– Время перерыва, Наташа! – Хлопин щёлкнул себя под горлом.

– По красненькому?

– Ага! – кивнул Хлопин, раздражаясь на себя. Неужели ничего лучшего сказать не смог?

Наталья кивнула. Хоть в жестах она была похожа на саму себя. Хлопин вскочил, открыл двери перед дамой, шаркнул ножкой.

В буфете, как ни странно, никто не обращал внимания на доцента, как обычно громко приветствовавшего «пролетариев раздачи». Рядом с ним шла женщина средних лет, сногшибательной внешности с простецким выражением лица. Наверняка, Хлопин где-то нашёл спонсора и обихаживает её, не иначе!

– Наташа! По красненькому?

Плешивый седой старик с остатками волос на висках, торчащими к потолку, хмыкнул.

– Пожалуй, Александр Юрьевич! – дамочка прикрыла ве-

ки, совсем как старшая лаборантка кафедры биохимии.

– Александр Юрьевич! У меня к тебе дело на полтинник! – заявил длинноногий молодой аспирант.

– Только на пятьдесят девять, меньше не согласен! – отшутился Хлопин. Аспирант не отставал, зацепил блюдо с салатиком со своего стола, направляясь к Наташе. Он что-то продолжал говорить доценту, не спуская глаз с Натальи.

– Ваш вопрос рассматривается! – сказал Хлопин и развернулся спиной к аспиранту.

– Извините, молодой человек! – вмешалась Наталья. – Нам с Александром Юрьевичем необходимо обсудить кое-какие рабочие вопросы!

Молодой альфонс, кланяясь, попятился к своему столику.

– Ловко вы его! – причмокнул Хлопин.

Наталья улыбнулась. Хлопин разглядел кончик языка между слегка раздвинутых губ. По телу доцента прошла мелкая дрожь. Он огляделся, не заметил ли кто?

– Александр Юрьевич, так вы простите мне опоздание? – Наталья всверлилась глазами в непосредственного руководителя.

– Что вы! – всплеснул руками Хлопин. Зачем-то почесал за ухом.

– Не берёт? – спросила Наталья, цитируя самого Хлопина.

– Что? Как?

Наталья посмотрела на пустой стакан доцента.

– Ах, да! – сообразил он. – Настенька! Не будь злокой,

подай ещё стаканчик! Одна доза не берёт.

– Вам, не мешая? – спросила буфетчица.

– Да, конечно, – машинально улыбнулся Хлопин. – Кто мешает, того бьют!

Когда выходили из буфета, доцент согнул руки в локтях, направив ладони на плечи Натальи, но прикоснуться не смел.

Седой старикан ухмыльнулся своим мыслям.

– Кто это?! – спрашивали друг друга преподаватели.

– Наталья Семёнова! – сказал дед, пристукнув дном стакана о стол.

Никто перечить не стал, образованные люди почитают старость, прощая маразматические умозаключения.

Глава 13

Сидоров Аркадий Виленович, привык к обращению «Сидор» настолько, что при упоминании: Аркаши, Аркана, Аркадия, – он бровью не повёл бы. В детстве кличка раздражала, звучала как-то обидно, теперь же, Сидоров как бывший интеллигентный человек в первом поколении гордился старинным русским именем. Чувствовались в сочетании русских букв исконные славянские корни. Как только страна Россия назвалась свободной от забот над окружающими республиками, у Сидора, как и у большинства людей, разом открылись глаза на происходящее вокруг. Партбилет, которого он столько лет добивался, оказался не нужен. Сидор не явился на общее партсобрание, где рассматривалась в числе прочих его кандидатура. Автоматически кандидат в члены лишился неутверждённого членства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.